ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

№ 28 (256) 17 июня 1933 ГОДА. ЦЕНА 20 К.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Э. Багрицкого, С. Динамова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич.

ОПЫТ ЛИТЕРАТУРЫ — В КИНО

Кино, названное Лениным самым важным из искусств, является могущественнейшим средством социалистического воспитания широких масс, оно является крепким оружием в классовой борьбе и подлинно народным, подлинно массовым видом развлечения и культурного отдыха. В прошлом году в кино бывало ЕЖЕДНЕВНО ОТ ТРЕХ ДО ЧЕТЫРЕХ МИЛЛИОНОВ зрителей. Наша кинематография пользуется исключительным вниманием партии и правительства. Каждая хорошая картина вызывает огромный интерес, каждому полезному начинанию в области кино обеспечена полная поддержка широких масс. Именно в силу этого стали возможными те успехи в области звукового кино, которые уже достигнуты на сегодняшний день («Путевка в жизнь», «Встречный», «Дезертир» и др.) Но эти успехи могли быть неизмеримо большими. Ряд причин определяет известное отставание нашей кинематографии. «Правда» в свое время вскрыла ряд недостатков в области организационно-хозяйственной, и выступление ЦО сыграло исключительную роль в деле ускорения перестройки киноорганизаций. Последнее решение советского правительства о реорганизации Союзкино дало все необходимые об'ективные условия для широкого развертывания работы, для полного осуществления тех требований, которые пред'являют к кино широкие массы.

Однако наше кино все еще не справляется в должной мере со своими задачами. В частности, киноорганизации не проявляют необходимой гибкости, они медленно поворачиваются к актуальным проблемам дня, у них все еще нет требующейся гибкости, быстроты и подвижности, они все еще не научились по-настоящему быстро и своевременно откликаться на запросы масс. Создаются обширные планы, в большом количестве заказываются сценарии, ведутся длительные дискуссии и в то же время, например, в темплане московской фабрики Союзфильм нет ни одной хорошей колхозной картины, деревня выпала из поля зрения руководства. Но зато есть «Пышка» по Мопассану и «Петербургская ночь» по Достоевскому!

В нашу задачу не входит рассмотрение всего состояния советской кинематографии и причин прорывов в ней. Мы остановимся на одном только вопросе, имеющем прямое и непосредственное отношение к литературе. Это — положение со сценариями.

Давно кончилось то время, когда в кино были в большом ходу теории, что сценарий вообще не нужен, что нужно писать его только тогда, когда снята картина. Теперь почти все киноработники понимают огромное значение сценария — этого первого и необходимого этапа создания картины. Но началось перехлестывание уже в другую сторону. Кое-кто выдвигает теорию о «ведущей роли» сценариста в кино, кое-кто заявляет, что сценарий — это литература и должен быть именно литературным произведением, понятным любому читателю и могущему быть напечатанным в любом литературном журнале. Ведутся очень «тонкие» и очень «теоретические», но до конца схоластические дискуссии о том, что же такое киносценарий вообще. Но зачем нужны эти разговоры о «ведущей роли», о жанрах, о литературности и т. д., когда стоит очень простая и ясная задача — обсуждать готовые сценарии, полностью учитывать опыт сценариев в удачных картинах, а главное — готовить сценарии не для редакторов журналов и не для читателей, а для кинорежиссеров, для с'емки их на кинофабриках. Сценарий—это особая «пьеса» для воспроизведения ее на пленке и уже совсем другой и особый вопрос, что эту пьесу можно сделать настолько литературной, что ее можно печатать в «Красной нови» (как это было со сценарием Ильфа и Петрова «Однажды летом»). Это может и не интересовать киноработников, все еще не справляющихся как следует и со своими собственными делами.

Нет никаких сомнений, что все эти надуманные споры помешали действительной работе со сценаристами и, в частности, помешали, в числе других причин, настоящему использованию в кино опыта литературы. Сейчас киноработники кричат, что «нет сценаристов», что у них «нет хороших сценариев», что это—главная причина их все еще плохих тематических планов. Мы считаем, что все эти крики не имеют под собой никакой почвы. Мы считаем, что все эти утверждения лишь прикрывают отсутствие настоящей работы по подготовке кадров сценаристов. Беспочвенность всех этих выдумок о сценарном голоде доказывается хотя бы тем, что киноработники никак не сумели использовать богатый творческий опыт советской литературы. Придумываются всяческие темы, создаются всякие проблемы, на основе их вырастают тощие и скучнейшие сценарные схемы — а буквально рядом, стоит только руку протянуть, советская литература дает неисчерпаемый источник новых и актуальнейших тем и проблем. Полтора года назад начала печататься «Поднятая целина», еще в прошлом году она была издана— но почему нет ни одного сценария на эту тему (а нужен не один, а два-три)?! «Разбег» Ставского был превращен в прекрасную пьесу, вызывавшую огромный интерес у зрителей (участники международной театральной олимпиады считают «Разбег» лучшим советским спектаклем), но почему же «не догадались» наши киноработники, что на основе «Разбега» можно создать картину на актуальнейшую тему?! А «Бруски»? «Последний из удэге»? «Великий или Тихий»? Не стоит перечислять десятков литературных произведений, которые могут и должны быть использованы в кино, которые могут дать ему свежую кровь, новые темы, новое звучание. До Мопассана, до Достоевского добрались, а вот в литературе советской почти ничего не взяли. Почему тов. Сутырин, пришедший в кино с литературной работы, руководящий ныне трестом Союзфильм, почти ничего не сделал для обогащения кино опытом литературы? Почему Ассоциация работников советской кинематографии ничего не сделала для создания прочных творческих связей между работниками кино и литераторами? Почему руководство кинофабрик и всего фронта кино не наладило деловой и практический обмен опытом между писателями и кинематографистами? Литература оказалась сама по себе, а кино — само по себе.

Поменьше дискуссий о «специфик сценария, товарищи кинематографисты! Поменьше криков об отсутствии сценариев, поменьше надуманных, схоластических и никому и ничему ненужных теорий о «ведущей роли» сценариста. Побольше живой и практической работы со сценарными кадрами.

Используйте до конца, используйте на деле огромный творческий опыт советской литературы.

ПРОФСОЮЗЫ И ЛИТЕРАТУРА

На-днях состоялась встреча актива писателей с секретарями ВЦСПС тт. **Вейнбергом** и **Аболиным**, народным комиссаром труда СССР т. **Цихоном** и председателями ЦК союза печатников т. **Магидовым** и ЦК Рабис т. **Боярским**.

В своей информации о профработе среди писателей представитель центрального бюро писателей тт. **Симен** и **Шапировский** отметили растущую связь между профсоюзами и писательской общественностью. Значительно развивается работа профсоюзных писательских организаций, особенно в Москве, Ленинграде и Харькове. Необходимо дальнейшее улучшение культурно-бытового обслуживания писателей и урегулирование оплаты писательского труда.

В центре внимания собравшихся стояли вопросы повышения качества художественной литературы и создание наиболее благоприятных условий для творческой деятельности писателя. Тт. **Новиков-Прибой, Леонов, Демидов, Ф. Гладков, Ф. Березовский, Погодин, П. Романов** рассказали о своей работе над книгой и о специфике писательского труда. Тт. **Лидин, Леонов и Шагинян** высказали свои соображения о необходимости упорядочения оплаты авторского труда издательствами и поощрения писателей за создание произведений высокохудожественного качества и большой социальной ценности. Вопросы драматургии и задачи создания пьес для социалистической деревни и рабочих клубов выдвинули тт. **Погодин, Леонов, Гладков, Танин и Леонидов.** О необходимости особого внимания к материально-бытовому положению поэтов и писателей детской и юношеской литературы говорили **С. Бройде** и **А. Богданов.**

Секретари ВЦСПС тт. **Вейнберг** и **Аболин** и наркомтруд т. **Цихон**, в своих выступлениях подытоживавшие совещание, отметили необходимость постоянного и более тесного контакта между писательской общественностью и руководящими профорганизациями. Эта связь должна способствовать наилучшему разрешению задач материально-бытового обслуживания писателей и всесторонней помощи писателям в создании художественных произведений, достойных нашей эпохи.

ПО МАТЕРИАЛАМ МОРП

У РОМЭН РОЛЛАНА

Секретарь «Юманите» П.-Л. Дарнар и художник Кабролъ от имени «Юманите» посетили Ромэн Роллана в Швейцарии.

В ответ на извинение тт. Дарнара и Кабролъ, своим посещением помешавшим Р. Роллану работать, писатель ответил:

— Разве в период, подобный переживаемому нами, можно прятаться от проблем, которые встают перед тобой, от долга, который ты обязан выполнить?

Далее Ромэн Роллан рассказал о своем протесте против смертного приговора, вынесенного индо-китайским революционерам.

Затем он сообщил, что получает обширную корреспонденцию об СССР и особенно много ему пишет Горький. «Какой огромный интеллектуальный под'ем имеет место там!»

— Я счастлив, если я смог вселить бодрость в нашу молодость,— в заключение сказал Ромен Роллан. —Притворное безразличие, эстетизм—только предлог для трусости... Я хотел бы быть молодым, чтобы бороться вместе с вами...

ФАШИЗМ И КУЛЬТУРА

Культ... личности

Новый ректор берлинского университета профессор Беймлер произнес большую речь о заданиях высшей школы. Он заявил, что школа, которая преподносит студентам исключительно идеи, но не знакомит их с личностями Адольфа Гитлера и Хорста Весселя, обречена на смерть.

Эрзац-литература

После того как все немецкие писатели должны были покинуть Германию, фашисты начали подыскивать «заместителей». Среди вновь обнаруженных гениев значится некто Пауль Шульце Бергоф. Недавно был устроен вечер, посвященный этому «певцу национального самосознания». На вечере молодой гений об'явил, что ему 60 лет и что его лучший роман, посвященный любви и Фридриху Великому, до сих пор не был напечатан «ввиду козней издателей». Доктор Драх поклялся, что новая Германия искупит грехи по отношению к этому 60-летнему дебютанту.

Фальшивка

Лейпцигское издательство Лист выпустило перевод романа Вониновой «Самоцветы». Перевел роман известный переводчик Грегер, который до «национального пробуждения» существовал переводами советских романов. Теперь Грегер, будучи представителем «чуждой расы» и, видимо, опасаясь стерилизации, решил приспособить текст перевода к вкусу своих новых хозяев. Для этого он прибавил к роману эпилог, якобы написанный автором. В эпилоге Грегер от имени Вониновой пишет: «Осуществление марксизма насильственно воспитало людей с пороком в душе!» Издательство выпустило роман с соответствующим анонсом: «Злободневное разоблачение! Доказательство преступности марксизма!»

ПЕРВЫЕ ДВА ТОМА ИГВ

Главная редакция «Истории гражданской войны» подготовляет к печати первые два тома научно-популярной серии ИГВ.

Первый том ИГВ посвящен **Октябрьскому перевороту** и будет выпущен **к 16-летию Октября.** В этом томе, выходящем под редакцией **А. Бубнова, А. Стецкого, Д. Мануильского и Фельдмана** (военный редактор), будут помещены следующие статьи: **А. Бубнов**—«На путях к Октябрю» (введение), **А. Стецкий** и **Д. Мануильский**—«Партия в руководстве Октябрем». **Карл Радек**—«Международная обстановка Октября», **О. Пятницкий** и **Г. Ломов**—«Октябрь в Москве», **Н. Крыленко**—«Октябрь на фронте», **Ф. Раскольников**—«Армия и флот накануне Октября», **Л. Крицман**—«Развал хозяйства страны накануне Октября», **М. Диманштейн**—«Октябрь и национальности» и др. Этот том будет размером в 40—45 авторских листов и будет исключительно богато иллюстрирован. Около 150 фотокопий, многокрасочных картин, меццо-тинто, планы и карты послужат иллюстрациями данного тома.

«Первые этапы гражданской войны»—этой теме будет посвящен второй том ИГВ, выходящий под редакцией **А. Стецкого, Ем. Ярославского, И. Уншлихта, Белицкого** (военный редактор). В составе авторов: **т. Кедров**—статья «Демобилизация армии», **Уншлихт** и **Будкевич**—«Восстание польских легионеров», **Н. Н. Попов**—«Октябрь на Украине», **Кнорин**—«Октябрь в Белоруссии», **Ем. Ярославский**—«Брестский мир», **В. Сорин**—«Борьба за мир», **А. Стецкий**—«Экономический план Ленина», **М. Савельев**—«Красногвардейская атака на капитал», **А. Панкратова** — «Триумфальное шествие советской власти» и др. Второй том будет подготовлен к печати к концу 1938 года.

Редакция ИГВ уже получила ряд статей для первого тома (тт. **Раскольникова, Эйдемана, Диманштейна, Таля, Минца**). На-днях будут сданы статьи тт. **Крыленко, Карла Радека, Крицмана.** Остальные статьи поступят в редакцию в ближайшее время. Подготовлены к печати первые две главы второго тома. Некоторые статьи уже были зачитаны на совещании землячеств гражданской войны в ЦДКА.

Разрабатываются специальные макеты художественного оформления томов ИГВ художником т. **Кравченко**, бригадой художника **Телингатера** и студентами-дипломниками и аспирантурой Полиграфинститута.

Мих. Россовский

Подшефная

1. РАЙОН

«Особенно **замечательный** пример капиталистической мануфактуры представляет **знаменитый** сапожный промысел села Кимры, Корчевского уезда, Тверской губ. и его окрестностей. Промысел этот исконный, существующий с XVI века».

«Насчет условий работы важно отметить непомерно длинный рабочий день (14—15 часов) и антигигиеничные условия работы».

«Жители плохие земледельцы, круглый год заняты промыслом».

Три с половиною десятилетия прошли с тех пор, как В. И. Ленин так характеризовал Кимрский район [1]). Но и до настоящего времени на районе — печать ее «исконного промысла». Мужская половина населения занята — за единичными исключениями — сапожничеством, достигая высокого мастерства. Не зря Ильинская промартель, производящая высокие «русские» сапоги, взяла первую премию на Лондонской выставке в 1932 г. В том же году на Парижской выставке первая премия за женскую изящную обувь досталась Шутовской промартели.

Ильинское и Шутово — в Кимрском районе. Оба — в районе деятельности **Ильинской** МТС, подшефной ячейке ВКП(б) и Горкому писателей.

Мало районов даже в старой России знало такую издевательскую эксплоатацию, как Кимры с его окрестностями. И сейчас еще слышны отголоски старого. В колхозах и промартелях нет-нет, а находят старого перекрасившегося промышленника, имевшего подчас по 25 рабочих. В деревнях стоят еще тесовые полутора- и двухэтажные дома прежних воротил. Помнит еще беднота звериность кулацкой эксплоатации.

В Ромашкинском колхозе под скирдой обнаружили тысячу пудов сгноенного овса. В Милинках кулаками сорвана случка свиней. Кулак специализировался на «слушках». Хитер, ловок враг... Он использует слабости отдельных сельсоветов, сельских партийных и комсомольских ячеек.

В Аннинском, Золотиловском, Юринском сельсоветах неразберихи, предсельсоветов администрируют, не созывают пленумов советов, грубо вмешиваются в дела колхоза, не имеют актива, совершенно не привлекают к работе женщин (это — при том, что только женщины занимаются сельским хозяйством...). Кулак доволен. Золотиловские партийная и комсомольская ячейки не авторитетны, кандидат партии зажимщик и пьяница Мочалов — предсельсовета Золотилова. Единственный в Юринском сельсовете «коммунист» Железнов тоже пьянствует и ведет себя по унтер-офицерски.

Кимрский райком партии не уделял должного внимания сельпартячейкам, райком комсомола — и того меньше, райисполком сам подчас потворствовал администрированию. Как иначе назвать тот факт, что в Аннинский сельсовет был назначен даже без предварительного согласования с пленумом совета совершенно неавторитетный, сумбурный Бахарев? Бахарев — не член сельсовета; правда, он колхозник, но сам сельским хозяйством не занимается, зато, будучи в колхозе, продал свою лошадь. А райисполком и не поинтересуется, кому он вручает мандат на председательствование в сельсовете. В том же Аннинском сельсовете председателем ревизионной комиссии сидит учитель Татаренко. Ревизует он плохо, зато неплохо противодействует выполнению всякого рода государственных заготовок и совсем хорошо пьет водку...

2. МТС

В Кимрском районе — **Ильинская** МТС. Она существует с начала 1932 г. Бывший директор МТС Калинин и старший агроном Говердовский так ловко хозяйничали, что за один год искалечили все 16 тракторов. К апрелю 1933 года, к началу посевной кампании ни один трактор не был готов к выходу в поле. Прицепные орудия были не в лучшем состоянии, не было необходимых материалов для ремонта. Горючее не было завезено. Минеральное удобрение лежало на правом берегу Волги, и его нельзя было переправить на левый берег, в район деятельности МТС, потому что Волга тронулась, а понтонный мост сводится только в начале мая...

А трактористы? Те бродили по МТС грязные, сонные и голодные. Жили они в невероятной скученности и грязи, хотя в Ильинском немало свободных домов. Кормились отвратительно, потому что Ильинская МТС не имела никаких ресурсов — директор и его зам не позаботились о создании минимальной продовольственной базы. Зато в МТС был разработан маршрут движения тракторов в весеннюю посевную кампанию. Опережая несколько события, надо сказать, что этот план оказался, мягко выражаясь, нереальным. Люди, знавшие по прошлому году условия пахоты весною, составили совершенно невыполнимый план: тракторы с трудом пробирались на поля и вязли по «брюхо» в грязи.

3. ПОЛИТОТДЕЛ

5 апреля в **Ильинскую** МТС прибыл политотдел.

Закипела — буквально!—работа.

Директор Калинин был снят, исключен из партии, предан суду. Старший агроном Говердовский снят и предан суду. Появились новые люди—директор и агроном. Начался ударный, сверхударный ремонт тракторов, были частично пересмотрены маршруты тракторов, прицепные орудия были приведены в порядок.

Никаких чудес — простая организованность. Люди узнали, за что они отвечают. Изысканы необходимейшие материалы (очень пригодились приобретенные на суммы, выделенные Горкомом писателей, инструменты и материалы). Установлены нормы и расценки. Среди трактористов развернулось соцсоревнование.

Главное внимание — колхозной бригаде. Подобраны бригадиры, установлен твердый состав бригады, за ней закреплены поля, живой и мертвый инвентарь, предусмотрено бесперебойное снабжение фуражом, семенами. Появились бригадные газеты. Об'явлены, широко популяризированы нормы выработки и расценки, вычислено, сколько колхозник получит за трудодень. Колхозник подбодрился — он увидел, что стоит по-настоящему работать, **есть, за что бороться.** Ему дан предметный урок, почему лодырь и прогульщик — враг колхоза.

Всколыхнулись парторганизация и комсомол. Появился — неожиданно для многих ячеек и колхозов актив. Обратили внимание на ранее забытого единоличника. Слух о приезде политотдела, о его работе быстро разнесся по району. Потянулись ходоки, десятки ходоков. Посыпались жалобы, просьбы, предложения.

Из деревни Трокино пришел с жалобой Алексей Куликов, исключенный из колхоза как кулак. Странное исключение: Куликов — селькор и написал о непорядках в колхозе и Юринском сельсовете. В колхоз явился предсельсовета Железнов и провел исключение Куликова на том основании, что тот, мол, кулак: он в свое время имел мальчиков на обучении. Политотдел на следующий день высылает в Трокино члена шефской писательской бригады, который выясняет полную необоснованность исключения Куликова.

Подобных **случаев за два месяца** — десятки.

Политотдельщики не знали покоя. Правда, партийно-комсомольский и колхозный актив также потеряли вкус к выходным дням.

За месяц район деятельности МТС стал неузнаваем. Можно смело сказать: только благодаря подлинно большевистской, боевой работе политотдела.

И продуманной директивой, реальным планом прозвучал призыв: начать массовый сев 10 мая!

Поползли слушки о чрезмерно ранних сроках, о неподготовленности почвы, о гибели кой-где проведенного сверхраннего сева.

Но «реальность планов — это живые люди» (Сталин).

Бригадирша Золотиловского колхоза болтает: сверхранний посев овса погиб. Она проверяла? — Нет, Так говорят... Замначполитотдела собирает группу колхозников, стариков в том числе, и идет в поле. Два га сверхраннего сева покрыты нежно-зеленой порослью. Взошел, хорошо взошел овес... Смущена бригадирша, смущены колхозники. Не только по Золотиловскому колхозу — по всему сельсовету разнесся слух об удачном сверхраннем севе...

В Усадском колхозе не пашут: поля, мол, низкие, тронут лошади. Начполитотдела выезжает в Усад. Идет с колхозниками в поле. Да, на 4 га стоит вода, надо повременить с пахотой. Но готова почва на 28 га, почему там не пашут, не сеют? Оказывается, три дня подряд бригады выезжали именно на затопленные поля и даже не заглядывали на сухие.

Через три дня после посещения и директив начполитотдела Усадский колхоз рапортовал о выполнении весеннего сева.

Такова сила оперативного руководства политотдела. Именно **благодаря большевистской оперативности ГРОМАДЕН авторитет политотдела среди колхозников и единоличников.**

Кулацким слушкам была противопоставлена большевистская организованность. Массовый сев начался 10 мая. Уже 15 мая Андрейцевский и Митинский колхозы рапортовали об окончании сева зерновых. 20 мая был выполнен областной план весеннего сева.

Ильинская МТС первая по области закончила весенний сев.

25 мая колхозникам и единоличникам района деятельности Ильинской МТС был выполнен районный план сева и принят встречный -750 га — **фонд имени т. Кагановича.**

Встречный план выполнен 31 мая.

Весенняя посевкампания дала повышение коллективизации в районе деятельности МТС на 14 проц. Сейчас в районе — 177 колхозов, район коллективизирован на 84 проц. За весеннюю посевную в районе деятельности МТС окрепли колхозы, сельсоветы, партийные и комсомольские ячейки.

Политотдел **оправдал свое назначение.**

4. ШЕФЫ

Писатели шефствуют над Ильинской МТС.

Мы наметили план шефства: помочь политотдельской газете, наладить бригадные стенновки, проводить читки художественных произведений, создать библиотеки.

Начполитотдела Табаков внимательно выслушал нас, улыбнулся... и прикрепил каждого к производственному участку: 7—8 сельсоветов, 30—35 колхозов, радиус 5—8 километров.

— Содержание работы? — Весенний сев. Большевизация колхозов. Конкретная помощь ячейке. Понятно?

— Как не понять! А стенгазеты?

— Обязательно,— говорит Бондарев, веселый замначполитотдела.

— А читки?

— Очень желательны.

— Но помни: главное — хороший своевременный сев,— подчеркивает Табаков.

Мы были уполномоченными политотдела: один по Ильинскому, другой—по Покровскому, третий— по Троицкому производственному участку.

Мы приходили в колхоз, вникали в его существо, устраняли недочеты, организовывали сев, подписку на заем. **Мы помогали, но не подменяли.** Помогали секретарю ячейки, предколхоза, предсельсовета, бригадиру, колхознику, счетоводу. Мы проводили массовую партийную работу. Налаживали бригады, кормление лошадей, протравку семян, колхозные планы, выпуск стенгазеты, счетоводство. Мы выявляли лодыря, кулака, зажимщика, бюрократа Мы проводили читки, беседы с колхозниками и единоличниками-стариками, молодежью, школьниками. И больше всего мы бывали в поле, в бригаде.

Нет подходящей целины? Мы брали стариков, обходили поля и, конечно, находили целину. Нельзя пахать? Мы выходили с бригадой в поле и проводили первую, вторую борозду. В третьей шел уже смущенный бригадир, а бригада ругала его почем зря: срамишь нас перед политом (политотдел называют «полит»).

В бригаде неполадки—жалуются на неправильный обмер, на отсутствие трудкнижек. Шеф обходит с бригадиром поля, в руках писателя не записная книжка, а «шагалка» (деревянный двухметровый циркуль). Он вымеряет поле, а после выставляет в трудкнижке трудодни. Колхозник знает, что он выработал. Создан стимул для соцсоревнования.

Все многообразие работы в колхозе касалось нас и руководящей нитью было: успешно, быстро и хорошо закончить сев. Случались у нас и ошибки. Мы их выправляли, держа постоянный контакт с политотделом.

Мы не были **наблюдателями** с записными книжками. Мы не были персонажами из комедии «Писатель на стройке». Мы были **участниками** сева, **работающими** представителями политотдела. Именно поэтому вернулись мы с посевной кампании с большим запасом **знаний, материалов** для будущих произведений и твердым решением: это была **наша первая** поездка, за ней последует еще не одна.

Ведь Ильинская МТС—**наша МТС.**

*

Нас было трое на весенней посевкампании в Ильинской МТС. Один приехал вместе с политотделом и пробыл до самого конца весеннего сева, двое пробыли месяц. Мы провели кое-какую работу Табаков говорит: реально помогли политотделу.

Но это—скромное начало. Надо шефствовать всерьез. Непрерывно. Сейчас в МТС—двое. Но почему только партийцы? Почему не поехать беспартийному писателю?

Каждый может и должен помочь политотделу. Каждый может и должен принять активное участие в большевизации колхозов. К тому же работа в МТС—неисчерпаемый источник вдохновения для советского писателя.

Потому, что работа в колхозе под большевистским руководством политотдела—это участие в социалистическом строительстве.

Довольно наблюдать, будем действовать.

*

P. S.

Перед нами стоят частные задачи шефства: создать библиотеки, оборудовать клуб для подшефной МТС. Собрано очень немного книг. Неужто мы не соберем для подшефной МТС хорошей достаточно полной библиотеки?

О клубе МТС должен подумать горком. Надо изыскать средства. Политотдел, правильно считая основной нашей задачей помощь людьми, ждет реальной помощи и в этом деле.

[1]) Ленин, «Развитие капитализма в России», т. III, стр. 332 и 333.

КОГДА ЧИТАТЕЛЬ РАВНОДУШЕН?

ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Массовый читатель требует, чтобы художественное произведение помогло ему глубже познать жизнь и лучше ее строить. Он противник литературных безделушек. В своих письмах к писателям и издательствам читатель голосует за вещи убеждающие, правдивые, обобщающие. Но читатель требует подлинной художественности. Он хочет, чтобы отличие романа от публицистической книги было не внешним, чтобы повествование было художественно-органическим. Если этого нет, читатель равнодушен.

...Роман нужный, толковый, хороший. Но в нем есть срывы—и они немедленно расхолаживают читателя.

Люди различных профессий и склонностей сходственно относятся к роману В. Бределя «Машиностроительный завод». Об этом говорят письма, полученные ГИХЛ.

«В книге рассказано просто и логично о борьбе западного пролетариата, но рассказано довольно сухо». Старый **токарь** Михаил Сапунков (депо Самара) «отлично сознает, что книга нужная, организующая пролетариат, но она не настраивает читателя. В ней нет музыкальности».

Другой читатель (колхозник С. Панфилов), отмечая положительное значение той же книги, замечает: «Борьба между работодателями и рабочими в лице коммунистической партии протекает в рамках учебника политэкономии. Автор выражает борьбу книжными, давно известными фразами, например: «Экономическая борьба является борьбой политической».

Третий читатель, обнаруживающий в романе Бределя меньше недостатков и считающий, что автору в основном «удалось избежать схемы в изображении живого человека», вынужден отметить схематизацию одного из персонажей.

Н. Чемиков (Горьковский край) находит схематизацию людей в такой вещи, как «Саранчуки» Леонова, где, по словам Чемикова, «плохо чувствуется, выскальзывает из воображения читателя бесплотной тенью... иногда ощущаешь его, но очень поверхностно»...

Говоря о «Рожденных дважды» К. Шарова, Н. Высочин (Краснодар) протестует против одностороннего показа человека—только на заводе («Надо было уделить больше внимания личной жизни героев вне завода») и замечает, что схематическая «литература факта» не может иметь большого значения.

А когда читатель столкнется с такой книгой, как «Поросль» С. Кибальчича, он перестает быть равнодушным—он активно протестует против таких «художественных» произведений, ибо они «ничего не дают ни уму, ни сердцу. Оторванность от действительности, встречающиеся крайности убивают интерес к чтению»,—говорит чернорабочий Н. Смирнов (Новосибирск).

...Массовый читатель Советского союза не придирчив. Но он сильно вырос культурно и поэтому повышает свои требования к писателю. Он помогает писателю избавиться от искусственности, но, к сожалению, не всякий писатель прислушивается к голосу читателя. Бывает, что писатель равнодушен к равнодушию читателя...

Бор. ГРОССМАН

Внимание детской книге

Наша общественность стала уделять больше внимания вопросам детской литературы, и последнее время в работе издательства «Молодая гвардия» наблюдается несомненное оживление. Сектором школьного и среднего возраста к работе привлечено довольно много взрослых писателей.

Алексей Толстой переработал для старшего и среднего возраста свой роман «Петр I»; **П. Павленко** написал для «Молодой гвардии» рассказ «Муха»—об одной собаке. **А. Фадеев** переработал свой рассказ «Амгунский поход».

Сектор дошкольной литературы ориентировочно наметил переиздать лучшие произведения Маршака, Чуковского, Барто, Гурьян, Венгеровой; из классики будут изданы сборники избранных стихотворений Фета и Тютчева, а также восемь сказок Андерсена. Для ознакомления дошколят с литературой национальностей издательство выпускает иллюстрированными изданиями еврейские, узбекские и зырянские национальные песни, переведенные на русский язык. Из переводной литературы в план включены произведения американской писательницы для малышей Митчель, еврейского писателя Квитко, английского писателя Стивенсона. В качестве переводчиков привлечены Фиш, Венгерова, Гершензон и др.

Большое внимание будет обращено на оформление детской книги. Улучшение в оформлении выпускаемой продукции наблюдается уже и сейчас: издаваемая на-днях книжка А. Гайдара «Сказка о военной тайне, рассказывающая ребятам о гражданской войне, иллюстрирована художником В. Канашевичем; оформление книги Федорченко «Звери» принадлежит художнику Д. Горлову.

Сектор литературы для школьного и среднего возраста также разработал свой предварительный план, который был обсужден на совещании издательства библиотекарями и педагогами. Предварительные наметки таковы: Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Некрасов, Чехов составят пять однотомников по 20—30 печ. листов каждый. Работа над однотомником Некрасова поручена К. Чуковскому, над однотомником Гоголя—В. Ермилову, над Чеховым—Елизарову. Кроме этих пяти однотомников в план включено еще много книг иностранных и русских писателей.

Для перевода, обработки и сокращений иностранной классики привлечены Корней и Николай Чуковские, Гнедич, Шпет, Красина и др.

Статья Горького, напечатанная в «Правде», будет принята во внимание при дальнейшей разработке плана. Чрезвычайно ценные указания Алексея Максимовича относительно тематики, несомненно, должны быть использованы издательством. Некоторые из указаний совпадают с планами, намеченными издательством. В частности в план на 1933 год включена книга «Жизнь растений» Тимирязева и «История свечи» Фарадея. Ведутся переговоры с **М. Пришвиным, который пишет** для издательства художественную книжку познавательного порядка о болоте.

«Молодая гвардия»—не единственное издательство, заботящееся о выпуске классической литературы. ГИХЛ, в частности его сектор классики, в текущем году развертывает большую работу. Постановлением правления решено выпустить в течение III квартала 27 названий книг, подготовленных к печати. Среди них Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Островский, Герцен, Некрасов, Чернышевский, Гончаров, Рылеев, Чехов, Тургенев. По договоренности с Наркомпросом серия классиков не будет больше выпускаться с предисловиями и вступительными статьями, которые почти не читаются юным читателем, все внимание будет обращено на построчные примечания. Кроме классиков в число этих 27 книг вошли так же «Цемент» Ф. Гладкова, «Кочевники» Н. Тихонова, «Ташкент — город хлебный» Неверова, «Разбег» В. Ставского, «Бруски» Ф. Панферова и «Доменная печь» Н. Ляшко. Вся эта серия постановлением ОГИЗ приравнена по темпам выпуска к изданию учебников и будет выпущена ГИХЛ к началу учебного года, тиражами в 50—75 и 100 тыс. экземпляров.

Одновременно с этой серией ГИХЛ выпускает массовым изданием серию книг М. Горького: «Мать» «Жизнь Матвея Кожемякина», «Мои университеты», «В людях», «Фома Гордеев», Городок Окуров», «Детство», «На дне», «Враги» «Хозяин», «Мальва», «Двадцать шесть и одна».

ЭНЕРГИЧНЕЕ ГОТОВИТЬСЯ К С'ЕЗДУ

Закончило свои работы об.единенное собрание IV пленума ЦК союза ССП, пленума ЦБ писателей, II всесоюзного совещания горкомов и месткомов писателей. На собрании присутствовали представители литературных, заводских и общественных организаций Москвы.

Основным вопросом повестки стоял вопрос о задачах и подготовке всесоюзного с'езда писателей. Докладчик т. **Ставский** констатировал: профсоюзы в подготовке к с'езду стоят в стороне. Между тем вопросы, которые будет обсуждать с'езд, могут получить глубокое и полное разрешение только при участии широких масс трудящихся. Профсоюзы должны усилить свое внимание к подготовке с'езда писателей.

Секретарь ВЦСПС т. **Аболин** целиком согласился с мнением, высказанным т. Ставским. В прениях выступили тт. **Гордиенко, Александрович, Погодин, Безыменский, Лавренев, П. Романов, Гладков.** Собрание отправило приветственное письмо **А. М. Горькому.**

В принятой резолюции всем писательским профорганизациям и всем организациям союза рабочих полиграфической промышленности предлагается развернуть широкую подготовку к с'езду. Пленум одобряет почин харьковского горкома писателей, вызвавшего на соревнование горкомы Москвы и Ленинграда. Для усиления профобслуживания писателей-драматургов пленум поручил создать при ЦБ писателей центральную комиссию драматургов.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

3. Сюрреалисты

В старой фильме Чарли Чаплина «Парижанка» имется живописный, хотя несколько неаппетитный эпизод. Герой, придя в ресторан, требует дичь. Это не просто едок, но тончайший гастроном, и дичь он признает только в том случае, если дичь окончательно протухла. Он направляется на кухню, чтобы проверить, достаточно ли воняет фазан. Фазанов для подобных любителей подвешивают за шейку. Когда шея сгнивает и фазан падает на землю, его можно класть в печь. Повар и официанты невольно зажимают нос: даже профессиональный долг не в силах победить отвращение. Но гастроном, тот счастлив, жадно вдыхает он запах разложившегося мяса, как будто перед ним букет ландышей.

Я не знаю, с кем следует сравнить парижских «сюрреалистов»— с подвешенными за шейку фазанами или с находчивым поваром? Я не знаю, больные это люди или только ловкачи, которые работают под сумасшедших. Одно бесспорно — любители имеются. Это люди с достатком: экземпляр поэм Рене Кревеля на «императорской японской бумаге» стоит 300 франков, а экземпляр поэм другого поэта Пере все 500.

Журнал сюрреалистов снабжен фосфорической обложкой, которая светится в темноте. Трудно, конечно, об'яснить, почему журнал надо рассматривать обязательно впотьмах, но ведь нелегче доказать, что гнилой фазан вкуснее свежего. Это дело вкуса, а также психиатрии. Молодые люди называют себя сюрреалистами, то есть поклонниками сверхреального мира. Вполне возможно, что в этом мире свои нравы. Кто знает, может быть после гнилого фазана душа просит фосфорической обложки?

Журнал в диковинной обложке называется «Сюрреализм на службе революции». Парижские снобы любят не только коктайли и половые извращения, они любят также «революцию». Сюрреалисты усердно цитируют Гегеля, Маркса и Ленина. Они уверяют своих полоумных читателей, что они «служат революции». Причем оказывается, что революции служат только они. Эти фосфорические юноши, занятые теорией рукоблудия и философией экзгибиционизма, прикидываются ревнителями революционной непримиримости и пролетарской чистоты.

Андре Жид выступил на коммунистическом митинге, и тотчас же те, которые подобострастно прислушивались к любому его слову, стали травить мужественного писателя. Сюрреалисты тоже возмущены Андре Жидом: для них он недостаточно революционен! Поэт Пере, тот самый, книжки которого на «императорской» бумаге стоят 500 франков, посвятил Андре Жиду стихотворение: так обыкновенно пишут подростки на стенах парижских писсуаров. Я приведу наиболее приличные строки из этого, отнюдь непечатного, произведения:

«Господин товарищ Жид
Говорит себе, что пора выставить
напоказ свой живот,
Как красное знамя.
Да, господин товарищ Жид,
Вы получите серп и молот:
Серп — в живот,
А молот вы с'едите»!

Фосфорические похабники недовольны Советским союзом. Один из них пишет: «Ветер кретинизма дует из СССР». Это звучит торжественно и мрачно. Что же это за «кретинизм»? Оказывается, революционные юноши не признают труда. Они и за Гегеля, и за Маркса, и за революцию, но на труд они никак не согласны. У них свое дело. Они, например, изучают педерастию и сновидения. Они возмущены: «Как можно восторгаться изготовлением кастрюль?... Они сами, конечно, ничего изготовить не в состоянии. Они прилежно проедают кто наследство, а кто приданое жены. Это завсегдатаи американских баров и фанатики безделья. Советский союз их возмущает тем, что там люди работают — это и есть «ветер кретинизма». Тот самый недоносок, который возмущается «ветром», признается достаточно откровенно: «Гораздо сильнее меня возмутила «Путевка в жизнь». Я негодовал, увидев этих молодых... (следует непечатное слово), для которых работа единственная цель, единственный смысл жизни, которым льстит форма кондуктора, которые, войдя в бордель, где по меньшей мере—тела и песни, не находят ничего лучшего, как броситься с криком на женщин и в бешенстве разорвать блистающие слова, которые я охотно взял бы как свою программу: «Здесь пьют, поют и целуют девушек».

Итак, их программа ясна: после цитат из Маркса — вывеска публичного дома. Они презирают изготовление кастрюлек и прочего ширпотреба. Не все ли равно, в какой посуде повар изготовляет тухлых фазанов? Они хотят только пить, петь и целовать девушек. Это довольно распространенная программа, в ней еще нет ничего сверхреального. Так развлекаются десятки тысяч молодых людей определенного класса. Фосфорические юноши, однако, честолюбивы. Они беспрерывно стремятся учинить скандал, который заставил бы говорить о них на всех перекрестках. Это— непризнанные гении и роковые сверхреволюционеры. Что же им делать? Можно, конечно, пойти на демонстрацию безработных. Но безработных разгоняют полицейские, и у полицейских резиновые дубинки. Это больно и к тому же это лишено блеска: кто станет говорить о каких-то безработных?.. Революцию эти господа понимают на свой лад: революция — это реклама! Они начали с непристойных слов. Свои издания они тщательно наполняют скорее изустными, нежели печатными наименованиями различных частей человеческого тела. Однако французская полиция чрезвычайно либеральна по отношению к сквернословью. Никому не придет в голову конфисковать фосфорическую порнографию. От терминологии приходится перейти к философии. Сюрреалисты поглупей признаются, что их программа — целовать девушек. Сюрреалисты похитрей понимают, что с этим далеко не уедешь. Девушки для них — соглашательство и оппортунизм. Они выдвигают другую программу: онанизм, педерастию, фетишизм, экзгибиционизм, даже скотоложство. Но в Париже и этим трудно кого-либо удивить. Тогда реальность становится сверхреальностью, на помощь приходит плохо понятый Фрейд, и обычные извращения покрываются покровом сугубой непонятности. Чем глупее — тем лучше! Вероятно, среди сюрреалистов имеются действительно душевнобольные, место которых в соответствующих лечебницах. Но большинство из них симулируют душевные заболевания как единственный признак гениальности в 1933 году. Вот та форма, которая льстит их самолюбию: не мундир кондуктора, но смирительная рубаха!

Один из этой веселой компании занимается изучением сюрреалистической картины на стекле. Он начинает с математических формул. Потом он глубокомысленно замечает: «Они обволакиваются глубиной их сожалений, которую им посылает зеркало, чтобы довести их до онанистических галлюцинаций». Другой работает под садиста. Свою статью он озаглавил: «Актуальность Сада». Он уверяет, что все люди — садисты: «Не причислит ли переоценка нашего сознания к меньшинству тех, которые свободны от того, что наука официально называет пороком? Возможно, что эти люди, свободные от порока, завтра будут признаны больными». Третий изображает целую коллекцию непонятных предметов, похожих, скорей всего, на овечий помет, и подписывает: «Новые психоатмосферически-анаморфические вещи».

Четвертый пишет длинную статью о том, почему он покупает масляные краски. «Я хотел было заняться живописью. Мои друзья, однако, заметили, что я все время играю с красками. Я слегка нажимал на тюбик, выпуская краску и размазывая ее... Вскоре это превратилось в страсть. Ложась спать, я брал тюбики и их нюхал... Я должен признаться, что я испытывал сильное желание с'есть краски. Особенно меня возбуждали желтый кадмий, кобальт и киноварь»... Прочитав сюрреалистические книги, любитель тюбиков понял глубокое значение своей забавы: «То, что я с гордостью показывал всем и всякому два большие тюбика, подтверждает, что я предавался символическому экзгибиционизму, тем паче, что то же самое я проделывал даже на улицах Парижа».

Эти фазаны воистину стухли. На них стоит остановиться только для того, чтобы понять, как могут развлекаться молодые французские поэты в наши отнюдь не безмятежные дни. Причем среди них мы встречаем имена поэтов, которые еще несколько лет назад писали настоящие стихи: имена Андре Бретона и Поля Элюара. Им кажется оскорбительным для звания поэтов восторгаться работой жестяников. Они не могут понять, что эти «кастрюли» для советских поэтов только один из вещественных образов того огромного напряжения страны, которое, как всякая большая страсть, не может оставить равнодушным сердце поэта.

Они презирают грубую прозу. У них много времени и много коктайлей. У них много японской бумаги. Они хотят заняться серьезным делом. Они устраивают анкеты для «иррационального проникновения в сущность вещей».

Анкета номер 1. Дан стеклянный шарик. Спрашивается: «Благоприятствует ли шарик любви? К какой философской системе он относится? Какого он пола? на какую часть женского тела вы его положили бы? А если женщина мертва? Какому преступлению он соответствует»?

Бретон уверяет, что шарик женского пола, а Элюар настаивает, что шарик — мужчина. Любви шарик благоприятствует. Насчет философов — разнобой: каждый хочет придумать что-нибудь похитрее— Гегель, Нострадамус, Кант, Гераклит. Шарик предпочитают класть на срамные части как живых, так и мертвых особ. Шарик соответствует многим преступлениям от карманной кражи до вампиризма.

После шарика поэты приступают к лоскуту бархата. Вопросы: «На каком языке говорит бархат? Какова его профессия? Какому извращению он соответствует»?

Подумав, поэты приходят к заключению, что бархат—полиглот. Кто настаивает на ирландском языке, кто на болгарском. Профессия бархата вызывает споры — он занимается проституцией, изготовлением духов, сутенерством, мученичеством секретарской деятельностью и прочим. Что касается перечня извращений, то он достаточно полон: на этот счет сюрреалисты доки.

Научная деятельность продолжается. Поэты преважно спрашивают друг друга: «В каком месте данной картины вы предпочли бы заниматься рукоблудием»? От географии они переходят к истории. Из шапки вытягивают цифры. Выходит 409 год. Они начинают обсуждать, какой была жизнь в 409 году нашей эры? Сколько, например, тогда было жителей в Париже? Один отвечает—1857 душ. Другой оспаривает: всего навсего 3 жителя! Потом, возвращаясь к своей излюбленной проблеме, они спрашивают: «Как в 409 г. приставали к женщинам?» Мнения расходятся. Сюрреалист, лишенный фантазии, отвечает: «Открывали зонтик и говорили: — «Мадам, сейчас пойдет дождь». Сюрреалист, полный героизма, видит древнюю жизнь по-иному: «Их подбрасывали высоко наверх, а потом их несли подмышкой».

По поводу этих упражнений сюрреалисты поясняют: «Мы вели анкеты с максимальной серьезностью и без мысли об их опубликовании». В последнем, конечно, должно усомниться: эти господа и храпят пособому, чтобы как-нибудь привлечь к себе внимание. Кто знает, не мутит ли их самих от всех этих тюбиков и шариков? Но они помнят о своем назначении—они хотят быть самыми вонючими фазанами для редчайших знатоков. Что же, каждый делает, что он может. Париж — большой город, и в нем множество профессий. Если нашлась профессия для лоскута бархата, то она нашлась и для изысканных поэтов.

При всем этом они смеют называть свой журнальчик: «Сюрреализм на службе революции». Вы не знали, чем они занимаются, говоря о стеклянных шариках? Извольте — они служат революции. Сюрреалисты понимают, что «напугать буржуа» теперь трудно. Бархатом и тюбиками не проживешь. Они нахально прерывают свои упражнения цитатами из Ленина. Но буржуа не столь наивен. Он знает, что эти фосфорические фазаны никак не опасны. Что касается рабочих, то они не читают стихов на японской бумаге и журналов в затейливых обложках. А если бы они случайно увидали эти издания с их сквернословьем и отвращением к труду, они, не задумываясь, причислили бы «служак революции» к обыкновенным уличным хулиганам.

От Артура Рембо, который писал гениальные стихи и который сражался за Коммуну, до этих жалких выродков, способных только на мелкое ерничество,—шестьдесят лет, вся жизнь целого класса, вся судьба большой культуры!

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА В ПАРИЖЕ

В Париже открылась первая народная революционная библиотека XIV района, созданная по инициативе рабочих организаций этого района (компартии, Общества друзей СССР и др.) и представляющая собой первую попытку подобного рода создать местный центр пролетарского просвещения и культуры.

Виктор Гольцев

О НОВАТОРСТВЕ и ЭПИГОНСТВЕ

Поиски нового стиля советской литературы обращают на себя всеобщее внимание. Новаторство различных писателей вызывает противоречивые оценки и споры. Некоторые деятели литературы не видят вне новаторства возможностей настоящего развития советской литературы. Другие грешат явной недооценкой его.

Разгромив «формальную школу», некоторые наши критики усвоили чересчур узкий, поверхностный, псевдопублицистический подход к вопросам литературы. Самая специфика художественного творчества стала ускользать из их поля зрения. Недостаток внимания к проблемам художественной формы сказался особенно заметно, когда новаторство так или иначе встало в порядок дня советской литературы. Полезно бывает вспомнить о том поразительном внимании, с которым относились к проблемам формы основоположники марксизма. Маркса и Энгельса интересовали и элементы драматургической композиции, и метрические тонкости стиха, и «мотивировка действия» в романе. С каким пониманием существа творчества Маркс иронизировал над «поэтическими эпигонами», растерявшими все, кроме испытанной «гладкой формы», а Энгельс порицал «выдохшуюся эпигонскую литературу»! Мало того: Энгельс с последовательностью диалектика как бы указывал на **необходимость новаторства**, поисков того нового реалистического стиля, который даст искомое «слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания» с «лекспировской живостью и богатством действия».

К явлениям литературы следует применять замечательные слова того же Энгельса о том, что различные формы и виды познаются через движение, что «из формы движения вытекают свойства движущихся тел». Энгельс писал с предельной выразительностью: «О теле, которое не движется, нечего сказать («Диалектика природы»). Конечно, эти замечательные слова, относящиеся к естествознанию, не следует механически переносить в область литературы. Но что же все-таки скажем мы о литературных явлениях, которые не движутся? Ведь эпигонство именно и означает отсутствие подлинного движения. Отрицание новаторства, хотя бы и завуалированное всякими «оговорками», есть антидиалектическое отрицание движения в литературе.

Распадение многих форм старой сюжетной прозы происходит на наших глазах. С одной стороны, мы можем наблюдать эпигонские попытки повторять прежние приемы художественного мышления и стремление как бы восстановить роман образца последних десятилетий XIX века. Некоторые писатели, работающие сейчас на новой тематике, словно собираются вернуться в отношении формы обратно за символистов, к временам Толстого и Достоевского, урвав кое-что полезное и спасительное у Максима Горького. С другой стороны, мы видим новаторские попытки самых разнообразных писателей перевооружиться, выработать новые сюжетные приемы, создать особые формы романа, повести и рассказа. Целый ряд выдающихся советских беллетристов интенсивнейшим образом работает над проблемой формы, исходит из утверждения, что эпохе пролетарской революции и построения социализма могут в полной мере соответствовать лишь видоизмененные, а не архаические литературные каноны. Эти художники убеждены, что наиболее ярко, правдиво и остро изобразить с точки зрения пролетариата величественное многообразие форм строящегося социализма можно, лишь перевооружившись с ног до головы. Эти художники культивируют новые (часто очень спорные, «экспериментальные» и даже явно ошибочные) формы художественного мышления. Они неизбежно приходят к новаторству, к отказу от пользования многими родами непригодного орудия, сложенного в старых литературных арсеналах.

В связи с этим кое-кто из первоклассных мастеров пока-что старательно обходит жанр романа, создавая произведения новаторского типа. Таков творческий путь Ник. Тихонова. Характерным является заявление Н. Огнева, что он не может писать романы по прежним образцам, что старые формы романа следует «взорвать». Его новая книга «Три измерения» не вмещается в рамки эпигонских традиций, означает прямой отказ от них. Новое произведение Льва Никулина «Время, пространство, движение» симптоматично своей несхожестью со старомодными романами, стремлением нарушить постоянство романического «канона». Можно было бы перечислить еще очень много советских писателей, занятых поисками нового стиля. Оставляя в стороне «формалистов», новаторство можно обнаружить, например, в романах Конст. Федина, у Вл. Лидина с его романами «Идут корабли» и «Могила неизвестного солдата», у Мариэтты Шагинян с ее «романом-комплексом» «Кик» и с «художественным репортажем», у А. Митрофанова, у П. Скосырева с его «Азиатами» и «Укрощением строптивой». Наконец, за последние годы выдвинулась талантливая группа молодых писателей-новаторов, вышедшая из школки конструктивизма и успешно пошедшая по пути преодоления эстетического формализма. Сюда относятся Бор. Лапин и Евг. Габрилович, Зах. Хацревин и кое-кто еще. Творческий путь П. Павленко в высшей степени характерен и показателен для общего развития советской литературы. Оно окрашено теми поисками нового стиля, тем новаторством, которое по праву должно называться так.

В большинстве случаев новаторство вовсе не следует воспринимать как легкомысленно-нигилистическое отрицание всего литературного наследства. Новаторство означает в действительности не полный отказ от традиций, а более тщательный выбор их, более критическое пользование ими. Новаторское движение в советской литературе гораздо шире, глубже, серьезнее и старше, чем это может показаться некоторым с первого взгляда*.

До сих пор у нас нередко отделяют литературную форму от содержания, хоть и знают, что, мысля по-марксистски, это делать нельзя. Нередко критики безоговорочно приветствуют какой-нибудь хороший, добротный, постаринке сшитый роман. При этом, принимается во внимание, что в данном романе затронуто несколько актуальных проблем нашей советской действительности и начисто умалчивается о стилистических особенностях книги. Между тем следует поставить вопрос: то литературное произведение, в котором архаические элементы стиля взяты из наследия прошлого, преобладают над остальными признаками, может ли не быть хотя бы в малой мере отсталым, консервативным идейно? Другими словами: старые приемы дворянской или буржуазной литературы, оцененные недостаточно критически и применяемые теперь, разве не соответствуют недостаточно критическому отношению к идейному наследию прошлого? Следует напомнить слова Франца Меринга об «окоченелых формах», из которых «выхолощена всякая внутренняя жизнь». («Мировая литература и пролетариат».)

Литературному эпигонству, некритическому повторению старых «задов» искусства, созданными классами, господствовавшими в прошлом, обычно соответствует известный консерватизм мышления. Эпигонство характеризуется гипертрофированным представлением о том, что в искусстве (а следовательно и в общественной жизни) имеются незыблемые, «вечные», общие для различных классов и поколений основания.

Но не надо преувеличивать: можно создавать очень нужные, актуальные произведения советской литературы, не отказываясь от традиций. Нетрудно назвать ряд выдающихся произведений советских писателей, в которых едва ли приходится усматривать какое-либо «новаторство формы». Например, такие большие романы, как «Севастополь» Малышкина или «Поднятая целина» Шолохова, очень значительны и хороши несмотря на то, что они выдержаны скорее в традиционно реалистических, чем в новаторских тонах. Выступив с новеллой новаторского типа «Падением Даира», Малышкин, создавая большой роман, сошел пока с пути новаторства. Ни «Севастополь», ни «Поднятая целина» не свидетельствуют о конкретных поисках нового литературного стиля, и вместе с тем ими может по справедливости гордиться советская литература. Мало того, писатели такого типа, как Шолохов, нередко достигают большой идейной значительности и высоты, пока что недоступной многим нашим новаторам. Случается, что они шире и последовательнее, чем иные «новаторы», показывают напряженнейшую борьбу революционного пролетариата под руководством партии за построение социализма. Тем самым они способствуют формированию нового реалистического стиля социалистической советской литературы. Недооценивать все эти явления совершенно недопустимо. И вместе с тем нельзя не признать, что к созданию стиля социалистической литературы нельзя притти, минуя новаторство. Однако что же такое новаторство? Можно ли говорить о новаторстве советских писателей, как о чем-то однородном? Разумеется, нет. Надо диференцировать поиски нового стиля, отличать подлинное новаторство от всякого рода формалистских фальсификаций. Стремление писать по-новому во что бы то ни стало, опасаясь обмолвиться случайно уже сказанным раньше словом, есть ошибочная и вредная формалистская тенденция. Антиленинский отказ от литературного наследства не приходится прокламировать как путь развития советской литературы.

Восприятие формальных новшеств как чего-то самодовлеющего и не связанного с завоеванием новых идейных позиций в литературе почти всегда вырождается в излишнюю усложненность, в неоправданное штукарство. Такого рода новаторство есть не что иное как рафинированное эпигонство культуры нисходящих классов. Оно имеет лишь кое-какие черты внешнего сходства с настоящим новаторством советских писателей.

Искусство воспринимается при этом пессимистически как успокоение, как отдых от мрачной действительности, или как игра и развлечение, как хорошие манеры в хорошем обществе. «Новаторам» такого типа обычно свойственна та «дурная индивидуализация», которая, по определению Энгельса, сводится к мелочному умничанию и составляет существенный признак выдохшейся эпигонской литературы».

Окончание смотри — страницу 4.

* Отмечу мимоходом, что новаторство существовало всегда в эпохи, когда вместе с социально-политическим строем резко менялся стиль искусства. Многие «классики» русской литературы, как известно, были для своего времени новаторами.

На полях журналов

Десятки новых значительных произведений. Беспощадность классовой правды. Новые романы Панферова и Федина. Формалистское фокусничество Шкловского—Заболоцкого и „откровения" Б. Пильняка.

«ОКТЯБРЬ» (№ 1—4), «ЗВЕЗДА» (№ 1—5), «НОВЫЙ МИР» (№ 1—4)

Литературный год обещает быть урожайным.

Перелистывая страницы толстых журналов, вы находите десятки крупных произведений, которые достойны быть в центре литературных дискуссий и лучше в этом случае будут ориентировать в проблеме социалистического реализма, чем все надуманные «теоретические» выкладки.

В четырех книгах «Октября» напечатана, например, третья часть «Брусков» — «Твердой поступью». Уже беглое сопоставление этой вещи Ф. Панферова с последними произведениями В. Ставского и М. Шолохова при всем их творческом многообразии позволяет уловить общую черту: беспощадность классовой правды. Ф. Панферов не бежит от изображения трудностей, страницы его романа насыщены классовыми страстями. Классовая борьба в деревне предстает в своем подлинном виде. Такие звенья романа, как пятое, описывающее кулацкое восстание, кажутся художественной сводкой, данной непосредственно с места боев. Сила писателя в том, что крушение и гибель отдельных личностей сбалансированы показом общего движения, и когда за мрачными картинами побоищ в Плодомасове выступает невиданный индустриальный пейзаж, меняющий всю географию лесной глухомани, то становятся очевидными источники сопротивления Плакущевых, Гурьяновых, Евстигнеевых — всей этой социальной падали, исторически обреченной при победе социализма — и родники геройства Кирилла Ждаркина со своими сподвижниками. В образе Якунина, ужаснувшегося кулацкой резне и обретшего новую жизнь на стройке, это устремление автора к главным корням переплетенных в романе человеческих судеб обнажено особенно ярко. Якунин — бригадир, он спешит бороться с взбунтовавшейся стихией воды, грозящей разнести плотину: «Перед ним в низине качались от ветра разбросанные по площадке тысячи электрических фонарей, напоминая ему огромную морскую гавань, когда от бури укрылись корабли, покачиваясь на якорях, — и Якунин бежал, спотыкался, упираясь пальцами в скользкую землю, ярко представляя, как вода хлынула на площадку, ударила на электростанцию, перерезала ее жилы, молниеносно ввергая город во тьму. Представлял Якунин и другое — землю плодомасовских полей. Но там никто по ней не бегал так, как бегут здесь». Рождается новый общественный строй, сметающий идиотизм деревенской жизни, — это стержень романа, определяющий отношения Кирилла Ждаркина с его острым чутьем и негнущейся волей и перерождавшегося Гурьянова, отмечавшего Степана Огнева, обидевшегося на партию Лемиа.

«Твердой поступью» вызовет вероятно споры. В романе можно отыскать, несмотря на успешное преодоление писателем давивших его напластований диалектизмов, несмотря на прояснение всей образной ткани, и художественные недочеты. Слишком облегчено становление ведущей фигуры Кирилла Ждаркина: людей с ним борющихся автор устраняет с помощью чрезмерно прямых улик. Вот Лемм, старый большевик, утративший политическую чуткость, сомкнувшийся с вредителями. Большая и серьезная задача социального анализа этого краха подменена Панферовым торопливыми деталями бытового разложения. Но эти упреки обращены к произведению, заслуживающему пристрастной критики частностей, потому что основа его цветуща и бурлит жизненными соками: жаль, когда среди зеленеющих ветвей торчат сучья, не срезанные во-время.

Среди прозы «Октября» можно отметить еще «Невскую повесть» Дм. Лаврухина, хорошо дающую разворот противоречий первых лет нэпа, но перегруженную формалистским кокетничанием, повесть Я. Шведова «Ровесники», углубляющую давнюю для автора тему городской окраины, начала каспийской повести А. Черненко «Моряна» и «Пленума друзей» Н. Богданова, дающего своеобразные параллели судеб старых комсомольцев. Все это вещи, показывающие умение редакции сделать журнал притягательным центром для писателей последних призывов.

Гораздо меньше представлено в журнале старшее поколение писателей. Рассказ С. Сергеева-Ценского «Кость в голове», живописно изображающий неискоренимость собственнической жадности в рабочем-инвалиде, навряд ли характерен для основных процессов, происходящих в творчестве наших крупных мастеров. Искусный рассказчик, поворачивая собственническую гранью психологию штукатура, получившего от хозяев премию за увечье, на самом деле нивелирует подлинные конфликты, диктуемые темой. Перед нами не судьба рабочего, типическая для капиталистического уклада, а судьба мелкого собственника, случайно имеющего рабочий паспорт.

Если обратиться к ленинградской «Звезде», то и здесь ощутимо движение вверх кривой советской литературы. Романы К. Федина «Похищение Европы» и О. Форш «Символисты» составят, насколько можно судить по началу, значительнейшие вехи на творческом пути этих писателей. Тот размах, с которым приступил К. Федин к показу капиталистического мира, прежде всего примечателен органическим охватом разнокалиберных явлений кризиса от небольшой биржевой тревоги у финансового владыки Ван-Рассума до первых искр протеста среди моряков — в системе сюжетного романа. В опубликованной части романа мы пока имеем созревание конфликта. Намеченное противоположение двух миров — капиталистического и социалистического — пока не развернуто. Зато сочно с реалистическим богатством красок выписан Ван-Рассум, победоносный стяжатель, проникнутый величием своих успехов.

У О. Форш — глубокая проверка прежних этических и философских ценностей. Сейчас уже нанесены меткие удары по «богоискателям», предстающим в эмиграции под веселым покровительством скучающего дельца. Сейчас уже показана омерзительность всех этих «томлений духа», когда-то бывших модной болезнью литературных салонов. Но коренная проверка возможна лишь на оселке новой действительности. Образ комсомолки-интеллигентки Нины пока в одиночестве представляет эту крушащую все и всяческие мифы буржуазной, идеалистической философии железную поступь нового класса. Удастся ли писательнице выбраться из лабиринтов интеллигентских душ к ясной, осязаемой исторической перспективе? Об этом пока судить преждевременно.

Мы лишены возможности останавливаться на всех произведениях, помещенных в «Звезде»; повести А. Лебеденко, В. Андреева, Д. Острова мы оставляем в стороне. Но нельзя обойти молчанием одну характерную черту этого журнала. Какой густой туман литературщины застилает многие страницы этого журнала! Вот в первом номере три стихотворения К. Вагинова. Приведем самое краткое:

«Как жаль — подумалось ему —
Осенний ветер.., ночь голубая,
Я разлюбил свою весну.
Перед судилищем поэтов
Под снежной вьюгой я стоял,
И каждый был разнообразен
И я был, как живой металл.
Способен был соединиться,
И золото, вобрав меня,
Готово было распуститься
Цветком прекрасным.
Пришла бы нежная пора,
И с ней бы солнце появилось,
И из цветка бы, как роса,
Мое дыханье удалилось...»

Эта страница из лирического дневника явно рассчитана на рафинированное восприятие читателя, погруженного в смакование каждого отдельного образа, но равнодушного к общему смыслу, равнодушного к идее. Поэт обращается к кружку, к свите почитателей, к соратникам по литературной школе, но поворачивается спиной к действительности, развивающейся за стенами его кельи. Талантлив ли поэт Н. Заболоцкий, стихи которого напечатаны во 2—3 книге «Звезды»?

Недавно его открывали чуть ли не как зачинателя новой поэтической школы. Сейчас мы видим, что вся школа сводится к имитации детской примитивности, имитации, мешающей поэтому всерьез подойти к современным темам. Талант Заболоцкого спеленут манерностью:

«А над ним на небе тихом,
Безобразный и большой,
Журавель летает с гиком,
Потрясая головой.
Из клюва развевался свиток,
Где было сказано: «Убыток
Дают трехпольные труды».
Мужик гладил конец бороды».

Поэма «Торжество земледелия» превращается в косноязычную заумь, временами граничащую с издевательством. Старик, об'ясняющий философию собаке, и осел, достигший полного ума, — вот образы, подводящие итоги борьбе с сохой и трехпольем. Но страшнее всего, что для Заболоцкого это литературная заповедь, его программная линия.

О. Мандельштам, когда-то дававший очень ясные и кристаллизовавшиеся стихи, в «Звезде» выступает с «Путешествием в Армению», которое все построено на кокетстве с усложненной и насильственной реминисценцией. О. Мандельштама интересует не познание страны и ее людей, а прихотливая словесная вязь, позволяющая окунуться в самого себя, соизмерить свой внутренний литературный багаж со случайными ассоциациями, возникающими при встречах и поездках. Писатель бронируется литературными предками. Поэтому в очерках об Армении мы узнаем, что «Ламарк боролся за честь живой природы со шпагой в руках», что «Сезанн лучший жолудь французских лесов», а у Матисса — «шахские прихоти французского метра», даже, что «Безыменский + силач, поднимающий картонные гири», наконец, кое-что о маках и землянике и ничего о строящейся советской Армении. Нет слов — О. Мандельштам виртуозно фехтует словом. Ему «страшно жить в мире, состоящем из одних восклицаний и междометий» — и он стремится к тонким нюансам речевой музыки. Ламарк, Гете, Сезанн мобилизованы для того, чтобы прикрыть отсутствие действительной Армении.

Впрочем Мандельштам не одинок.

В. Шкловский в своих рассказах, помещенных в той же книге «Звезды», состязается с ним в этой защите от действительности с помощью библиотечного шкафа. Внешне его рассказы — случаи из реальной жизни, лишь поднятые литературным приемом. На самом деле — это мысли по поводу прочитанных книг, внезапно сомкнувшиеся с бытовым происшествием. В. Шкловский библиофил. Ему хочется перелистать Достоевского, Страховая, Ореста Миллера. Записать яркую «цитату». Он это делает, прикрываясь формой рассказа. Жизнь касается В. Шкловского какими-то боковыми гранями, корешками редких книг, экзотикой вымирающего мещанского быта — эпоха ощущена через рудименты, а не ростки нового. Жадность литературного изыска до необычного сопоставления вселяет туберкулез в позвоночник его новелл: они все кособочат, горбятся, лишены прямоты высказывания. Нужно оттаивать верхние слои словесных инкрустаций, чтобы выглянула действительность.

В вещах Мандельштама и Шкловского опасность литературщины, формалистской подмены мастерства коллекционерством предстает наиболее обнаженно. Не собирается ли «Звезда» стать организационным центром для формалистских идей или формалистской безыдейности?

Но литературщина имеет и других представителей. Начатое печатанием в «Новом мире» произведение Бор. Пильняка «Камни и корни», носящее подзаголовок «Комментарии и обвинение писателям», несомненно, рождено той же литературщиной. На протяжении десятков страниц мы читаем курьезные цитаты об Японии. На 34-й странице выясняется, что это цитаты из книги самого Пильняка «Корни японского солнца», которую автор теперь отвергает и предлагает изъять из читательского обихода. Не слишком ли много красноречия проявлено в этой самокритике? Но Пильняк не только сам кается. Он приглашает к покаянию и остальных писателей. Впрочем, тут он предлагает более решительные меры, чем самоличные комментарии к неудавшимся произведениям. «В советской литературе следует, предварительно учинив перерегистрацию и сократив писателей процентов на восемьдесят (с тем, чтобы подающих надежды перевести в класс учеников, заставив учиться и работать, а безнадежных лишить писательского звания), переквалифицировав и сократив писателей, следует создать институт литературы, литературно-разведочный художественно-оборудующий институт, без диплома коего писатели не могли бы носить звания писателя и печататься». Впрямь ли о нашей литературе говорит Бор. Пильняк? Не примерещилось ли ему? Нет, не примерещилось потому, что дальше мы читаем рассуждения о «социалистических способах передвижения». Пильняк, оказывается, хочет приблизить литературу к социалистической действительности, предлагая создать дипломированную касту писателей.

Если Пильняк, увлекшись своим косноязычным красноречием, не замечает, что он подымает руку на массовое литературное движение, то ему следует об этом сказать. Сказать совершенно недвусмысленно и дать отпор.

В том же «Новом мире» С. Сергеев-Ценский обрушился на массовое литературное движение.

Редакция «Нового мира» отгородилась от статьи А. Селивановского, в которой нет и следа таких вопиющих искажений. Но она промолчала выпады Сергеева-Ценского.

Впрочем, негодование Сергеева-Ценского по поводу «молодых людей» компенсируется восторженными статьями А. Белого о пролетарских писателях. Вслед за панегириками поэме Г. Санникова мы находим похвальное слово «Энергии» Ф. Гладкова. Крупное произведение заслуженного пролетарского писателя достойно всяческого внимания критики, в том числе и высказываний писателей. Но Белый, утверждая, что стихия критики — взволнованность, начисто снимает проблему критического анализа недостатков гладковского романа. «Роман Гладкова не укладываем в гробы школьных определений». Зато ему вполне подходят такие определения, как «мировоззрительный контрапункт», «энергетичность глаголов», «мускулистые словечки» и т. д. Не будем спорить.

В «Новом мире» довольно обильно представлены писатели. Новые вещи И. Евдокимова, Г. Никифорова, А. Воронского, Ал. Толстого, Г. Серебряковой преимущественно еще не закончены, и мы вернемся к ним впоследствии.

Пьесу А. Толстого и А. Старчакова «Патент № 119» надо отметить потому, что в этой пьесе сказываются все опасности некритической ставки на развлекательность. В пьесе есть немало проблем. В ней рассуждают о человечестве. В ней сложная интрига. Все это ловко скроено и сметано. Но зато какие речи произносят герои! Комсомолка хочет разойтись с мужем. Семь лет прошло со времени их первой встречи. А теперь:

«— Решила с тобой порвать... Мы еще вчера были дикими, а захотели многого. На многое и сил нужно много. А быть еще и женой... в бабью лямку влезть... не хочу... А я не зарекаюсь: свалит меня страсть... Ну, что же... Так то — страсть, праздник».

Образы, идеи? Авторы нашли бойкий сюжет, переложили его сентенциями, вроде приведенной, и пьеса уже готова, но, если был неплохой замысел, он разменен на мелочь «проходной» пьесы.

Журналы «Октябрь», «Звезда» и «Новый мир» занимают очень крупное место в нашей периодической литературе. В своих заметках мы не стремимся исчерпать темы, выдвигаемые первыми книжками этих журналов. Наша задача — «короткие сигналы». И среди них особенно громко должен прозвучать сигнал об опасности литературщины.

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

За актуальную тему и ее мастерское выражение

Тематика и творческая перестройка

На одном из совещаний один известный писатель высказал мысль, что у нас тематика суживается. Так ли это? Вся практика советской литературы доказывает как раз обратное. Неисчерпаемо разнообразие уже поставленных в нашей литературе проблем: гражданская война, время Петра I, старая деревня и колхозы, личная жизнь и фронт классовой борьбы, семья и строительство индустриальных гигантов, Запад и Восток, дальний Север и Америка и т. д. и т. п. Огромны и разносторонни интересы нашего читателя, он хочет знать и про сегодня, и про вчера, он интересуется горячо завтрашним днем.

Значит ли это, что у нас в области тематики все обстоит вполне благополучно? Нет, вовсе не значит. Имеются десятки тем, еще никак не освещенных, хотя бы они представляли огромнейший интерес и для читателя, и для писателя. Например жизнь и быт красной столицы Москвы, грандиозная работа по ее реконструкции не получили в нашей литературе почти никакого отражения. Темы дружбы, детей, семьи также разрабатываются гораздо меньше, чем следовало бы, писатели здесь очень мало помогают борьбе с пережитками капитализма в области этих отношений и чувств. Литературные организации, журналы и издательства должны очень многое сделать, чтобы советские писатели не зависели в выборе темы от случайностей своей биографии и своего опыта, но использовали бы опыт и практику тех людей, которые могут дать им новый и актуальный материал. Интересная книга Геннадия Фиша «Падение Кимас-озера» возникла в результате того, что автор прочел в «Красной звезде» статью т. Сидякина об этой операции красных войск против белофиннов и принялся за изучение материала. Оргкомитеты и издательства имеют все возможности для систематической организации этой ответственнейшей работы. «Литгазета» устроила несколько месяцев назад беседу писателей с т. Ушаковым, два года зимовавшим на Северной Земле. Оргкомитет провел беседу писателей с т. Тухачевским, О. Ю. Шмидтом и с народным комиссаром земледелия СССР т. Яковлевым. Эти встречи с людьми огромного опыта и членами правительства вызвали среди писателей большой интерес и дали им очень много. Это нужно превратить в систему. Всяческого внимания заслуживает почин МТП, создавшего особую группу писателей для изучения жизни и быта Москвы, причем издательство решило результаты этой работы печатать отдельными сборниками.

Крупную роль в борьбе за плановость тематики должны сыграть, редакции «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов», до сих пор еще, к сожалению, не совсем тесно связанные с писателями, не говоря уже о других участках искусства.

Тематика—это один из узловых вопросов творческой перестройки писателей. Писатель, стремящийся активно участвовать в социалистическом строительстве, не может пройти мимо актуальных проблем современности, он не может заниматься, например, только далеким прошлым или тем, что никак не связано с борьбой сегодняшнего дня. Это не значит, что мы должны ликвидировать такие жанры, как исторический роман (нам даже нехватает произведений на исторические темы, в частности совсем нет хороших вещей на темы по истории партии), или меньше, например, работать над темами гражданской войны. Но вместе с тем нужно со всей решительностью сказать, что ГЛАВНОЕ ВНИМАНИЕ ОСНОВНЫХ КАДРОВ ПИСАТЕЛЕЙ ДОЛЖНЫ БЫТЬ УСТРЕМЛЕНЫ НА ТЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕМЫ, КОТОРЫЕ СТАВИТ НАША СОВРЕМЕННАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, сегодняшняя борьба за социализм, за нового человека, за новое общество. Великие произведения прошлого всегда были современными для своей эпохи, в них всегда ставились узловые вопросы своего времени, что нисколько не мешало им иметь значение и для будущего. Литература огромных тем, идей и чувств—всегда дитя своей эпохи. Лучшие мировые писатели это понимали с полной отчетливостью Так, Гоголь писал: «У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту, может быть, оттого, что ум мой был всегда наклонен к существенности и к пользе, более осязательной. Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным».

В этой связи совершенно неправильными представляются мнения, что несущественным является об'ект изображения, что важно лишь отношение к нему.

Искусства вообще нет без отношения художника к действительности. Это—азбука. Но отсюда вовсе не безразличным является вопрос, что же изображает художник. Следует помнить и о том, что, отражая действительность и воздействуя на нее, художник сам подвергается ее воздействию. Поэтому, если он берет актуальные темы, внимательно изучает их, знакомится с узловыми моментами жизни, то это помогает ему творчески, связывает его с жизнью, расширяет его кругозор, повышает в нем творческие импульсы, сообщает его произведениям жизненность. Очень хорошо о значении темы для художника сказал в одном из писем Глеб Успенский. Жалуясь на усталость, он указывает, что дело уже не в ней, что он теперь захвачен новой темой—показать власть капитала: «Теперь эти явления изображаются цифрами—у меня же будут цифры и дроби превращены в людей. Эта тема ставит меня на твердую почву; теперь я перестаю мучиться случайными муками». Главной и основной задачей советской литературы в целом является изображение современности, воспроизведение в живых жизненных образах борьбы за социализм, отображение сегодняшнего дня, хотя это вовсе не исключает, что часть художников будет заниматься другими проблемами.

Но ошибается тот, кто будет думать, что актуальность темы сама по себе уже обеспечивает высокое художественное качество.

Со всей силой и ясностью нужно подчеркивать роль мировоззрения в овладении темой, огромное значение правильного понимания художником того, что он изображает.

Именно поэтому наша критика должна со всей силой ставить вопрос о качестве актуальной тематики, о художественности ее, о ее выразительности. У нас есть произведения, написанные на актуальнейшие темы, например, о Днепрострое, но написанные таким языком, что их трудно читать. «Мать» Горького дает блестящий пример того, как актуальная тема, тема исторического значения, разрабатываемая по горячим следам жизни, находит и свое высокое художественное выражение. Нужно учиться у А. М. Горького этому замечательному умению актуальную тему давать в актуальной форме, полностью выражающей огромное содержание.

Не нужно забывать и о том, что классово враждебные элементы в литературе имеют тенденцию маскироваться актуальной тематикой, что они, как это уже имело место, нарочно создают произведения о новостройках и колхозах, чтобы протащить свои реакционные и контрреволюционные установки. Разоблачая эти враждебные попытки, борясь за высокое художественное качество произведений на важнейшие темы современности, создадим все условия для планомерной и систематической помощи советскому писателю в работе над темами, которые ставят перед нами наша социалистическая действительность и борьба мирового пролетариата!

Спрашивают меня колхозники...

Недавно было 50-летие т. Буденного. Колхозники стали меня подробно распрашивать о юбиляре, а я знаю не больше ихнего. Знаю, что т. Буденный—герой-командир конной армии, бил белогвардейцев, а откуда появился т. Буденный—мне неизвестно, и книжки о т. Буденном я нигде не видел—ни в читальне, ни в книжной лавке.

Читали мы также, что приехал Максим Горький, и опять стали меня расспрашивать колхозники. Расскажи им подробней...

Спрашивали про Блюхера...

Мы хотим знать своих вождей, книжек про них нигде нет. Может раньше и выпускались такие книжки, но сейчас их нигде достать нельзя.

Так пишет бригадир-колхозник Никитин.

Почему нет на рынке дешевой, популярно написанной книжки для малограмотного читателя о Ворошилове, Буденном, Блюхере, Горьком?

Почему нет увлекательной повести для юношества о вождях, которых любит и ценит вся страна, все трудящиеся мира? Разве это не благодарнейшая тема для советского писателя? Почему Госиздат, издавая книги об Эдиссоне, Лавуазье, Франклине и Джефферсоне, не выпускает книги о Ленине, Сталине, Ворошилове? Кроме книги «Жизнь Максима Горького» и нескольких скучно написанных брошюрок ничего ведь и не было.

Мы делаем вызов советским писателям и Госиздату: дайте массовому читателю хорошую, живо и просто написанную книгу о наших вождях.

Редакция колхозной газеты ЦЧО «НОВАЯ ДЕРЕВНЯ».

Воронеж

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Я прочитал немало книг советских писателей в переводах. Читал Фадеева — «Разгром», Серафимовича — «Железный поток», Ф. Гладкова — «Цемент», Ю. Либединского — «Неделя» и др. Читаешь эти книги и не только отдыхаешь за чтением, но и учишься на них.

Советский писатель много писал и пишет на тему о гражданской войне. Это хорошие и нужные книги. Их читают не только русские, но и иностранные рабочие. Но теперь перед писателями надо поставить новые темы Нужны книги о героях пятилетки — строителях наших гигантов — новостроек, колхозов, совхозов, МТС. Писатели должны создать книги о новом человеке, описать новую жизнь и новый быт рабочего на строительстве и на заводе.

В СССР приезжают десятки специалистов-рабочих, специалистов-интеллигентов. На Сталинградском тракторном заводе и на других крупных заводах есть немало иностранных рабочих-ударников. Среди них — лучшие ударники социалистического строительства, награжденные орденом Ленина.

Пролетарские писатели должны поднять новую тему, написать художественные произведения, в которых было бы показано, как живут иностранные рабочие за рубежом и рабочие в Советском союзе, как перевоспитываются иностранные специалисты и рабочие в условиях социалистической стройки. Такую книгу мы ждем от советских писателей.

ТЕНГЕРДИ

(американский рабочий-инструментальщик, инструктор сектора техники нормирования Электрозавода).

М. Юров

Секретарь парткома Электрозавода

Заявка Электрозавода

Завод хочет видеть себя в литературе. Это законно. И видеть себя живой, действующей, борющейся частицей великого организма нашей страны, которая борется за новую социалистическую жизнь.

Такую жизнь — новую, невиданную — построить нелегко. Десятилетиями лучшие люди рабочего класса — коммунисты — организовывали это дело. У нас немало об этом написано. Но жизнь внутрипартийная, жизнь заводской ячейки, жизнь и борьба на заводе во всей ее многогранности не отображена. Пишется история заводов, пишутся биографии отдельных людей. Это хорошо. Но, например, нам хотелось бы, чтобы на примере Электрозавода в художественной форме была написана вся та совершенно невиданная творческая работа, которая проведена в деле борьбы за технику. Новые лампы, прожектора, трансформаторы, магнето, машины, победит и вольфрам—все эти наименования таят в себе много радости и творчества, многие неудачи и поражения. Десятки, сотни, тысячи людей сформировали себя как замечательные люди на этом деле. А разве кто-нибудь написал об этом серьезно, ярко, в художественной форме книгу, которая показала бы одновременно, и что это за продукция, и как формировались и выросли новые люди, наши люди.

Сотни примеров, как завод из отсталых, полуграмотных, пришедших из деревни людей, выковал замечательных мастеров, инженеров, вожаков партийной и общественной работы. Значит, борьба за технику как лозунг партии стала реальностью.

У нас еще мало дано партийных активистов, мало показано их в литературе. Надо показать партийных людей — коммунистов-руководителей — если можно так выразиться: профессионалов - революционеров нашей эпохи.

И о рабочей молодежи, о ее интересах, о ее работе на заводе, — это мало и слабо освещено.

Значит:

1. Борьба за технику.

2. Профессионалы-революционеры сегодняшнего дня.

3. Молодежь, вступающая во вторую пятилетку.

Книга учебы, книга организации и борьбы за коммунизм. Такие книги нужны нам, как хлеб, как воздух.

Р. Пикель

„Опыт"— НОВАЯ ПЬЕСА К. ТРЕНЕВА

Окраинный университет. Профессорская среда. Люди различных творческих и мировоззренческих масштабов. Приспособленцы, обыватели, революционеры науки. На несколько голов выше других профессор Соболев. Его опытами заинтересован весь научный мир. Он хочет «дать смертный бой самой старухе смерти».

«Идут рядом об руку два вечных спутника — разум и смерть, и в этом невыносимая обида разуму. В человеке есть центр жизни. С ним должен сомкнуться разум, чтобы попрать смерть. Но нет, нет какого-то звена. Нет... Третьего, ударяющего, отчего воспламенилась бы искра. На ее месте темное пятно, которое, может быть, разум запоздал осветить». В поисках этого звена Соболев приходит к рабочей гипотезе о создании искусственного сердца и полном обновлении человеческого организма путем удаления из него всей крови и замены ее новой.

Свои выводы ему необходимо проверить экспериментальным путем. Совет университета не оказывает должной поддержки опытам Соболева. Лабораторию пришлось ему устроить в своей квартире. Оборудование ее примитивно, приборы смастерены кустарнически, нет денег на выкуп заказанной аппаратуры. В получении об'ектов для опытов (шимпанзе) ему учиняются всякие препятствия.

Порою сомнения овладевают Соболевым в успешном исходе его исканий. «Не оборвать ли нам всю эту канитель», — говорит он своим аспирантам, горячим сторонникам и энтузиастам его теории.

Вокруг безразличие, скрытое недоброжелательство, явная вражда. Он работает в обстановке непрерывной тревоги — борьбы.

Автор начинает пьесу характерной ремаркой: «Квартира проф. Соболева... При поднятии занавеса в доме затихающая тревога. Пришли острые моменты борьбы с катастрофой».

Это очень характерный ритмический лейтмотив для всей пьесы. Ощущение тревоги, драматизма происходящего пронизывает все акты. Оно усиливается развитием сюжета, основным стержнем которого является операция по переливанию крови над безнадежно больным сыном профессора. Соболев решается ее произвести не только потому, что сын его безнадежно болен и нет иного выхода, но и потому, что он глубоко убежден в правоте своей идеи, в абсолютной безошибочности предварительных изысканий. Его не смущает первый неудачный опыт с шимпанзе. Он блестяще экспериментирует на последующих экземплярах обезьян. Это дает ему право произвести операцию над своим сыном. И вдруг... катастрофа. Сын умирает на операционном столе. В смертном бою победила старуха смерть. Казалось бы, эта жертва — не только личная трагедия отца, но и профессора. Дерзания ученого привели к роковому финалу. Темное пятно осталось не освещенным человеческим разумом.

Но когда подсознательное «я» твердило Соболеву о поражении, о катастрофе, он нашел в себе достаточно сил и мужества, чтобы преодолеть скепсис факта и заявить о непоколебимой вере в правоту своей теории.

«Ignorabimus»! Никогда не узнаем. Нет. Все узнаем!.. Смерть вырвала у нас его, а мы у нее жало!». Мысль ученого в личной трагедии натолкнулась не на проходимую пропасть, а на новое препятствие, которое решила преодолеть.

У Тренева внешние обстоятельства побеждают Соболева. Но они не сокрушают его воли. Он согнут, но не надломлен. Его упорство далеко от ослепления фанатика. В правоту его дерзаний веришь, потому что они целеустремленны и основаны на точных научных данных.

Почему же неудача у профессора Соболева? Очевидно, где-то произошла ошибка, основанная на том, что задачу приходилось разрешать со многими неизвестными данными. Но это отнюдь не означает, что задача неразрешима. Нептун победы разума над смертью существует. Местонахождение его необходимо обнаружить. В данном случае расчеты Соболева оказались ошибочны. Необходимо их проверить и найти неточности. Это единственный путь для подлинного ученого и исследователя.

Имел ли право Соболев на эксперимент со своим сыном?

Имел, и даже не потому, что Коля безнадежно был болен, а потому, что профессор проверял предварительно успешно свою теорию на опытах с человекоподобными обезьянами.

Рано или поздно от них Соболев должен был перейти к опытам над человеком.

«Здесь надо ударить в темя смерти всей силой разума, чтобы вспыхнула жизнь. Но где взять этой силы? Нужен некий смертный прыжок».

Таким «смертным прыжком» для него была операция над сыном. Нужно было иметь большое мужество, чтобы пойти на этот шаг, но во сто раз большее потребовалось для того, чтобы после катастрофы не разбить скрижали своего учения.

В личной трагедии Соболева заложена большая философская мысль. Побеждает тот, кого не останавливают никакие препятствия; кто умеет дерзать; кто тверд в своих убеждениях, каким бы сомнениям они ни подвергались при временных, скоропреходящих затруднениях.

Тема, взятая Треневым для пьесы, заслуживает самого пристального внимания и изучения. Она разработана им вглубь — вплоть до подпочвенных корней. Сюжетное развитие пьесы, ее интрига крайне просты и несложны. Столь же скупо декоративное оформление: все события развиваются в одном и том же павильоне. Число действующих лиц ограничено.

Центральный образ профессора Соболева в разрезе концепции автора дается в новом качестве в нашей драматургии. Соболев не политик, но он принадлежит к категории тех ученых, которые неразрывно связали свою исследовательскую работу с судьбами Советского союза. Он глубоко верит в то, что в Кремле сидят те люди, которые всегда помогут ему в работе.

«Страшно крут под'ем, много мелких обидных наслоений. Я не политик, но знаю, развязались в недрах и забили какие-то могучие ключи, хлынули и смыли огромные вековечные пласты людской обиды. Развязались какие-то от века связанные силы и творят сказочные чудеса». Политически эти слова, конечно, наивны, но в них сквозит неподдельная радость творчества, искренняя вера в новую социалистическую эпоху человеческого общества.

Это мироощущение помогает Соболеву преодолеть личную трагедию. То, ради чего он борется, он делает во благо миллионов. Он своими исканиями помогает перестройке человека не только как социальной, но и как биологической категории. На обновленной земле должен быть и физически обновленный человек. Его евгеника социальна, ибо физически крепкий, выносливый, долго живущий человек для Соболева нужен потому, что этот человек строит новую прекрасную жизнь. Он глубоко убежден, что его лабораторные опыты столь же нужны стране, как и новостроящиеся гиганты индустрии. Соболеву автор противопоставляет другого ученого — Бажанова, аристократа в науке. Ему претит утилитарная, прикладная функция науки. Лаборатория для него «келия, в которой возжигается чистый светильник истины». Он отгородился от всего мира стеной неприятия действительности, ибо она не что иное, как «грязная политическая улица». «Наука для него молчальница, затворница, растет молча, незаметно, как трава».

Эту реакционную концепцию Соболев решительно отвергает. «Вздор, мысль не шагает, а сжигает твои этапы, пробивает тысячелетия». Для него Бажанов идеолог «стабилизованной мысли».

В этом столкновении двух научных мировоззрений Тренев попутно разрешает еще одну большую и сложную тему о взаимодействии науки и действительности.

Спор Соболева с Бажановым тянется на протяжении всей пьесы. Бажанов борется за Соболева не только потому, что тот его близкий друг, но и потому, что в уходе Соболева он чувствует приближение своей катастрофы, никчемность и ненужность стране победоносного социалистического строительства ученых, подобных ему.

«Келия научной истины» обречена на запустение. Нам нужны громадные научно - исследовательские институты с массовым притоком в них пролетарской аспирантуры, нам нужны лаборатории-заводы. Об этом мечтает Соболев. Он яростно дерется за расширение своей лаборатории, он вокруг себя сосредоточивает научную пролетарскую молодежь — энтузиастов его научной теории.

Наука так же прогрессивна и революционна в своем движении вперед, как и то общество, в котором и ради которого она существует.

Соболевы победят, Бажановы будут отметены в сторону, сойдут нанет. Иных путей ни для науки, ни для ее носителей в нашей стране нет.

Такова идейная и тематическая концепция новой пьесы Тренева «Опыт».

Мы оставляем в стороне сейчас анализ целой галлереи образов, выведенных автором в пьесе. Для этого понадобилась бы самостоятельная статья. Нас интересовала в «Опыте» проблема содержания, тематическая сторона пьесы. «Опыт» Тренева знаменует рост качества содержания в советской драматургии. Это — проблемная пьеса. Тематика ее значительна и социально, и идейно.

Художественные качества ее стоят на уровне тематической содержательности и насыщенности.

Образы даны в сочных, ярко индивидуальных характерах. Мировоззренческая борьба в пьесе показана в остро драматизированной форме. Она развертывается в действии, в сюжетных конфликтах, в выразительном сценическом диалоге.

Течение мысли неразрывно связано с течением событий, и тем самым содержание гармонирует со средствами изображения, которыми сценически искусно владеет автор.

Если профессор Соболев не справился со своим опытом, то «Опыт» Треневу вполне удался.

Советская драматургия приобрела еще одно значительное по тематике и художественным качествам произведение.

★

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы еще вернемся к оценке новой пьесы, т. К. Тренева, которая в процессе постановки в театре несомненно подвергнется дальнейшей авторской обработке.

Л. Левин

ТЕМА ОДИНОКОЙ СУДЬБЫ

О ТВОРЧЕСТВЕ ЮРИЯ ОЛЕШИ

I

Так создается одиночество навсегда, одинокая судьба, удел человеку оставаться одиноким везде и во всем.

Юрий Олеша.

Основной темой Олеши является тема одинокой судьбы, о художественном воплощении которой так мечтает героиня «Списка благодеяний».

Одинокая человеческая судьба. Бесплодные стремления, несбывающиеся мечты, неутоляемые желания. Уроду не дано сделаться красивым. Нищий напрасно мечтает о богатстве. Матери не суждено приехать к сыну.

Здесь приходит время вспомнить о «Зависти». Мне хочется сказать о том, что «Зависть» была неправильно понята и оценена.

Существует традиционное критическое представление о «Зависти». Одним из виновников того, что это представление вообще существует, является т. Ермилов. Это он назвал «Зависть» романом об освобождающемся человеке.

Говорят, что Олеша разоблачает Кавалерова, что тема «Зависти» — победа нового над старым, что автор целиком на стороне Андрея Бабичева и что все вообще было бы хорошо, если бы образы нового мира больше удались Олеше. Такой взгляд может быть об'яснен лишь первичным восприятием первой книги нового писателя. Однако об'яснение не есть оправдание. Теперь, когда литературная молодость Олеши прошла, когда у писателя за спиной уже не одна работа, когда «Зависть» можно рассматривать в известной творческой ретроспекции, становится ясно, что все это не так. На самом деле, повесть Юрия Олеши — об одинокой человеческой судьбе, о стремлении к славе, о сладости быть униженным и отомстить.

Здесь можно было бы установить некую литературную пропорцию. Отношение Олеши к новому миру определилось бы отношением нового мира к старым человеческим чувствам. Почему проблема чувств имеет для Олеши решающее значение? Да потому, что характерный для Олеши строй художественного творчества создан этими чувствами. Самое дорогое, что есть у Олеши, — это его искусство. Так рождается проблема искусства и революции.

Недавно Олеша опубликовал небольшой рассказ под названием «День». Речь идет о жарком летнем дне третьего, решающего года. В рассказе обсуждается вопрос о разрушении храма Христа-спасителя. «Можно было бы весь храм целиком перенести в музей», — говорит человек, облаченный Олешей в символическую толстовку. — «К чорту старье»!—восклицает юноша в синей майке.

В конце рассказа появляется Бернард Шоу. Юноша одобряет старика. «Но вы же сказали, что все старье нужно уничтожить», — обращается к юноше человек, от имени которого ведется рассказ.— «Кроме того, что имеет историческое значение», — отвечает юноша.

Задача этого рассказа особенно ясна в контексте всего творчества Олеши. Смотрите, как бы говорит Олеша, новый мир сохраняет уважение к старому искусству. Отметая старье, новый мир принимает культурные ценности, созданные старым. Там мотивируется принятие нового мира.

Прежде чем подойти к «Зависти», я напомню еще известный рассказ «Вишневая косточка». Николай Кавалеров, укрывшийся в этом рассказе под именем Феди, закапывает в землю вишневую косточку. Он мечтает о прекрасном дереве, о вишневом дереве искусства. Вишневый цвет всегда был в русской литературе символом высокого искусства.

Выясняется однако, что на пути вишневого дерева встает план. Пустырь будет застроен. Нежное дерево искусства погибнет под тяжелым фундаментом железобетонного гиганта. Но профработник Авель, выступающий в рассказе от имени нового мира, говорит, что корпус будет расположен полукругом и что внутренность полукруга будет заполнена садом. Итак, вишневое дерево спасено.

Нетрудно понять, что тема «Вишневой косточки» равнозначна теме рассказа «День». Назревающий конфликт в обоих случаях разрешается своеобразным компромиссом. Этот же конфликт положен в основу «Зависти».

Пока что Юрий Олеша является художником одной темы. Это тема Николая Кавалерова. Смешно было бы тратить время на доказательство того, что именно Кавалеров—подлинный трагический герой «Зависти». Иван Бабичев — это, конечно, будущее Кавалерова, грозно приближающаяся старость. В биографических рассказах из «Вишневой косточки» дано детство Кавалерова. Оно же и в автобиографических отступлениях, перебивающих речи Ивана Бабичева. Недаром некоторые рассказы «Вишневой косточки» кажутся развитием тем, намеченных в «Зависти» (вспомните рассказ «Цепь». Студент, девушка, велосипед — все это было намечено в рассказах Ивана Бабичева о своем детстве). Таким образом, лучшее, что создал Олеша, — это тема Кавалерова. Поэтому-то «Зависть» остается лучшим, что Олеша написал. После «Зависти» художественная линия Олеши падает, ибо он захотел стабилизироваться на теме Кавалерова. Между тем, она глубоко ущербна по внутреннему своему содержанию,—эта тема, тема одиночества, тема одинокой человеческой судьбы.

2

Сама профессия моя, профессия писателя, такова, что внимание не может принадлежать только внешнему миру.

Юрий Олеша.

Почему Елена Гончарова стремится на Запад? Она мечтает о настоящей славе. «Что это за слава, которой нельзя кичиться», — восклицает она. Ей представляется, что только на Западе она получит право кичиться своей собственной славой.

Николай Кавалеров тоже мечтал о собственной славе. Однако образ Кавалерова шире, чем образ Гончаровой. Героиню «Списка благодеяний» можно было бы назвать персонифицированной мечтой о славе. Недаром даже сцена гибели Гончаровой названа так: «Просьба о славе». Даже в смерти Гончарова ищет найти славу.

Уже отмечено, что тема Гончаровой должна быть соотнесена с темой Кавалерова. Образ Гончаровой так относится к образу Кавалерова, как часть относится к целому. Олеша остался в пределах старой темы. До сих пор Юрий Олеша не написал ни о чем, кроме темы Кавалерова. Синтетическое выражение этой темы дано в «Зависти». Впоследствии эта тема дробится на подтемы. В «Списке благодеяний», например, речь идет о подтеме славы. В неопубликованной еще пьесе «Черный человек» речь идет о подтеме убийства. Эта тематическая стабилизация пагубнейшим образом отражается на творчестве Олеши. Первая книга Олеши до сих пор остается его лучшей книгой. Тема Кавалерова была в сущности исчерпана «Завистью». Эту книгу хотелось воспринимать как некий итог, после которого должно было последовать продвижение к новым темам. Сказалось же, что Олеша остался в пределах темы Кавалерова. Воспринятая в качестве итога, эта тема могла существовать в советской литературе. Воспринятая же в качестве программы действий, эта тема не может существовать. Олеша должен вырваться из заколдованного круга этой темы, ибо она бесплодна, ибо она грозит вырождением и распадом. Недаром художественная линия. Олеши падает. Оставаясь в пределах темы Кавалерова, нельзя уже создать значительного произведения. Если Олеша не сумеет вырваться за пределы этой темы, он ничего уже больше не создаст, как бы талантлив он ни был. Эта тема не может обеспечить того количества кислорода, которое потребно для здорового творческого дыхания. Олеша либо задохнется, либо прорвет круг и выйдет навстречу действительности, навстречу ее суровым и радостным темам.

Нет сомнения в том, что Олеша очень хорошо понимает грозные свои перспективы. Недавно на страницах нашей литературной периодики был напечатан отрывок из новой пьесы Олеши. Я уже сказал, что в этой пьесе речь идет о подтеме убийства. Отрывку из пьесы Олеша предпослал примечательнейшее вступление.

Оказывается, что герой пьесы писатель Модест Занд мечтает о том, чтобы стать писателем, достойным своей эпохи. Он мечтает о настоящих темах эпохи и стремится вычеркнуть из своей записной книжки вредные, реакционные, размагничивающие темы. «Но выход ли это—вычеркнуть тему», — спрашивает Олеша. — Как убить тему-ящерицу... ведь отрубленные части у ящериц вырастают снова. Таких тем много, целое гнездо ядовитых ящериц». Эти слова вводят нас в самую суть дела. Уничтожение гнезда ядовитых ящериц нужно считать основной задачей Юрия Олеши.

Надо сказать, что Олеша никогда не ставил перед собой задачу отражения живой действительности. Это связано, конечно, со всем его творческим складом. Олеша лишен целостного и живого, непосредственного ощущения действительности. Это не значит, разумеется, что Олеша вообще лишен всякого ощущения жизни. Если бы это было так, Олеша не был бы художником. Я говорю о том, что Олеша лишен **целостного** ощущения жизни. Он способен анализировать мир в его мельчайших, поистине микроскопических проявлениях. «На стуле лежат носки. Они коричневые. Но — в неподвижности и яркости освещения — вдруг замечаете вы в коричневой ткани отдельные вьющиеся по воздуху разноцветные шерстинки: пунцовую, голубую, оранжевую». Сущность художественного метода Олеши выражена в этих строках. Олеша разлагает мир на простейшие элементы, но не воссоздает целостной картины мира. Анализирует,но не синтезирует.

Уже сказано, что Олеша пишет не о самой действительности, а о разных типах отношения к ней. Отношение общественного человека к действительности оформляется в мыслях, действиях, чувствах и поступках. Активная сторона этого процесса менее всего существенна для Олеши. В каких, собственно говоря, действиях и поступках раскрывает свое отношение к действительности Кавалеров? Он совершил едва ли не радикальнейшее из всех своих действий, когда написал письмо Бабичеву. Свое отношение к действительности Кавалеров формулирует в процессе психологического самораскрытия. Так обстоит дело со всеми людьми, проходящими через произведения Олеши. Действительность он видит отраженной в человеческом сознании. «Но все это—и СССР и Европа,—писал Олеша о «Списке благодеяний»,—существует как бы в душе главного героя». Это приводит порою к тому, что об'ективная действительность подменяется ее суб'ективным восприятием.

Вспомните рассказ «Вишневая косточка. Герой этого рассказа путешествует по невидимой стране. В действительности все очень просто: «Путник встречает собаку, заходит солнце, зеленеет пустырь». Между тем в невидимой, недоступной нормальному зрению стране все обстоит несравненно сложнее. В невидимой стране человек, ожидающий девушку на перекрестке, незаметно превращается в милиционера. Человека спрашивают о том, как проехать на Варсонофьевский, где Музей Дарвина, идет ли на Кудринскую двадцать седьмой номер. «Уже я вытягиваю руку, поставив ладонь ребром... Еще минута — вырастет из кулака моего жезл...».

Нормальному зрению это превращение недоступно. Оно произошло в невидимой стране. «Так, значит, что же, — спрашивает Олеша, — так, значит, наперекор всем, наперекор порядку и обществу я создаю мир, который не подчиняется никаким законам, кроме призрачных законов моего собственного ощущения?». Повидимому, это так. Олеша очень часто подменяет живой, реальный мир призрачным миром суб'ективных ощущений. Олеша очень хорошо понимает, что вся эта философия невидимой страны — «идеалистический бред». Так, по крайней мере, говорит в рассказе «Вишневая косточка» профработник Авель, человек, обладающий нормальным зрением. Но понятый грех не становится от этого менее грехом. Олеша продолжает грешить с явным удовольствием. «Архитектура летания птиц, мух, жуков, была призрачна, — говорит он в рассказе «Любовь», — но можно было уловить кое-какой пунктир, очерк арок, мостов ,башен, террас—некий быстро перемещающийся и ежесекундно деформирующийся город». Олеша не может отказаться от своей невидимой страны. Человека, путешествующего по этой стране, ведут за руку две сестры: Внимание и Воображение. Что, собственно говоря, делает человека художником? Ощущение невидимой страны, — как бы отвечает Олеша. «Нужно видеть мир по-новому»—такова формула этого ответа.

Я сказал уже, что Олеша понимает идеалистическую сущность своей философии мира. Однако от понимания до высвобождения — дистанция огромного размера.

«Силен тот, чье внимание устремлено в мир внешний». Наблюдение за работой химика Колотилова привело писателя Занда к этому выводу. Занд всегда считал, что главное в жизни — искусство. Колотилов считает, что искусство — только часть жизни. Для химика Колотилова внешний мир представлен материей, опытом, стеклянной трубкой с реактивом. Для писателя Занда внешний мир представлен эпосом. «Да, да, эпос. Изображать события, характеры, страсти — быть во-вне».

«Быть во-вне». Только этим путем Олеша сможет уничтожить гнездо ядовитых ящериц. Пусть Олеша оглянется вокруг. Пусть он покинет пыльный мир литературных традиций. Пусть он выйдет навстречу радостному миру живой действительности. Освежающий ветер настоящей жизни проникнет тогда в его легкие. Он сразу перестанет ощущать недостаток кислорода. Совсем по-новому зазвучит тогда его окрепший голос.

КАК БЫЛО И КАК ДОЛЖНО БЫТЬ

Оргкомитет Союза советских писателей на совещании издательств и журналов своевременно поставил перед ними задачу быть одним из рычагов творческой перестройки. Помещаемые ниже информационные материалы показывают, что издательства должны еще очень многое сделать, чтобы выполнить эту задачу. В частности издательства и журналы слабо готовятся к первому всесоюзному с'езду писателей. В ближайшем номере «Л. Г.» мы дадим материал о планах подготовки к с'езду издательств «Советская литература», МТП, ГИХЛ, Лен. т-во писателей, «Молодая гвардия» и журналов: «Красная новь», «Октябрь», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Звезда», «Залп», «Знамя», «Литературный критик».

РЕДАКЦИЯ

*

Издательство художественной литературы — не только механический регистратор поступивших рукописей и не только коммерческая организация. Издательства должны быть подлинными творческими центрами.

Так ли это на деле? Проверим.

150 писателей об'единяет теперь МТП. Долгие годы издательство не могло развернуть настоящей творческой работы с писателями — членами своего кооператива.

МТП сейчас серьезно перестраивается. Писатель в процессе работы над рукописью. Надо ему помочь. МТП устраивает читку и обсуждение рукописей. Разве не характерно, что в результате обсуждения книги стихов **П. Орешина** автор заменил до 30 проц. своих стихов другими поэтическими произведениями. Молодой писатель **И. Шухов** читает на творческом вечере три первых главы своего нового романа о Караганде. Ему дают указания, отмечают недостатки, автор их принимает для дальнейшей творческой работы над романом. **Н. Незлобин** перед сдачей в производство рукописи о Москве зачитывает ее в МТП. После обсуждения автор два месяца перерабатывает рукопись, и потом ее принимают к печати. Это и есть конкретная помощь писателю и борьба за качество продукции.

Другой ценный опыт — **борьба с литературным браком.**

МТП отвергло две рукописи **Д. Хаита «Иная тайга» и М. Езерского «Льнозавод».** Устраивается широкое заседание редсовета издательства с докладами двух редакторов о характере забракованных рукописей.

Редсовет МТП работает активно. Писатели **А. Новиков-Прибой, А. Веселый, С. Малашкин, Н. Ляшко, Ф. Березовский, Герасимов** не только аккуратно посещают редсовет. Они регулярно читают рукописи, привлекают новых авторов, вносят конкретные предложения по улучшению работы редсовета, указывают на конкретные факты невнимательности аппарата, редакторов к писателю, настаивают на пересмотре рукописей, **если они недостаточно проверены.**

СОЗДАТЬ ТВОРЧЕСКУЮ СРЕДУ МОЛОДЕЖНОМУ АВТОРУ

Издательство «Молодая гвардия» устраивает систематические совещания писательского актива, на которых обсуждаются конкретные произведения детских писателей. Книжка Веры Смирновой «Ленин» была предварительно прочитана и обсуждена редакторами издательства вместе с автором. К читке рукописи была привлечена Н. К. Крупская. Все это содействовало повышению качества книжки. В систему работы издательства вошло устройство творческих декадников по младшей и дошкольной литературе.

Правление издательства теперь занимается не только узкопроизводственными, но и творческими вопросами. На заседании правления широко обсуждались уже вышедшие из печати детские книжки **А. Барто («Звездочки в лесу»), М. Рудермана («Северный май»),** сборник, посвященный 1 мая, и пр.

«Молодая гвардия» работает с молодым рабочим-автором. В течение зимнего периода при издательстве работал семинар рабочих, комсомольских и молодежных авторов по детской и юношеской книге. На собраниях семинара поэты и писатели **Н. Асеев, Л. Леонов, И. Уткин и др.** поделились опытом своей творческой работы. Уже издано несколько книжек начинающих молодежных авторов — тт. **Селезнева, Лебедева-Кургана, Баранова** (книга стихов). К сожалению, семинар прекратил свою работу до осени. Временно не работает и кабинет рабочего-автора. Существование этих организаций в издательстве крайне необходимо в течение всего года.

Взрослый писатель пришел в издательство. Выпустили свои книги **Э. Багрицкий («Соболиный след»), Ю. Тынянов («Черниговский план ждет»), М. Светлов** написал стихи для дошкольного возраста, **Э. Багрицкий** пишет книгу о комсомоле, **А. Фадеев** переработал «Метелицу» для младшего возраста, **Ал. Толстой** переработал «Петра I» для среднего и старшего возраста. Пишут книжки для детей **Б. Лавренев, Л. Сейфуллина** и др.

Есть в издательстве редсовет, но работает он очень слабо. Собирается редсовет нерегулярно. А ведь по существу успешная работа редсовета и активное участие в нем писателя определяют в значительной мере творческую среду, в которой автору приходится работать.

ОПЫТ ИЗДАТЕЛЬСТВА „СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

«Советская литература» не использовала всех своих возможностей. Кое-какая работа проделана нами в плане сближения писателя с издательством, но сделано еще далеко недостаточно.

В практике «Советской литературы» известны случаи, когда **Ф. Левин,** например, оказывал влияние на **Б. Горбатова** в его работе над **«Жаждой»** и принимал участие в работе **Благого** над **«Тремя веками».** Но эти единичные случаи еще не система работы издательства.

Опыт работы «Советской литературы» за истекший год показал, что издание альманахов — один из лучших и действенных способов творческого об'единения писателей. Конкретный пример: в издании поэтического альманаха поэты принимали непосредственное и самое активное участие. Тот же опыт повторяется и полностью оправдывает себя при подготовке к изданию «Альманаха молодых авторов». На очереди — сборник бывших лефовцев, авторы которого также участвуют в подготовке его к печати. Издание сборников и альманахов связано с постоянными собраниями их авторов, собраниями, на которых практические вопросы часто перерастают в споры на принципиальные темы. Совещания, созываемые широкими редколлегиями сборников, происходят помимо общеиздательских собраний, организуемых редсоветами, встреч писателей со специалистами и деятелями науки, творческих вечеров, читок, обсуждений рукописей и т. д.

Все эти методы работы использованы издательством, но, повторяем, все еще не составляют системы.

Ничего не сделано «Советской литературой» и в области планирования тематики, в области руководства тематическим замыслом авторов. Ничего или почти ничего не сделано для сближения писателя с читателем. Читательские конференции, выезды на предприятия, устройство творческих вечеров на заводах и фабриках, переписка с читателем, изучение его запросов — все это также стоит в ряду ближайших задач издательства.

ПИСАТЕЛЬ, ЧИТАТЕЛЬ И ГИХЛ

Свыше двухсот молодых и старых писателей, поэтов, драматургов и критиков сгруппировалось вокруг ГИХЛ. Они не только поставщики рукописей. Около 60 человек втянуты в хозяйственную и общественную жизнь предприятия. Литконсультант, рационализатор, воспитатель молодого автора, браковщик творческой продукции, консультант тематических планов, лектор, пропагандист — по этим каналам направляется общественная самодеятельность организованного писателя.

При группкоме работает производственно-творческая комиссия, основная задача которой — забота о высоком качестве и быстром выпуске писательской продукции. В литконсультации издательства работает 14 квалифицированных писателей и поэтов; к опытным мастерам слова прикреплены для учебы 30 молодых авторов.

Заслуживает внимания борьба за качество.

Дать читателю книгу высокого идейно-художественного содержания, технически хорошо оформленную, — эта задача лежит на всем коллективе. Отсюда — ряд творческих вечеров, на которых разбирались произведения отдельных авторов. В этом году администрацией и группкомом ГИХЛ были организованы вечера — **А. Белого, Маркиша, Сослани, Никифорова, Шолохова, Пулькина, Кирсанова, Вересаева, Карцева, Ильенкова.** Два последних писателя выступали перед читательской аудиторией. После появления произведений в свет секция по качеству подвергает их подробному разбору.

Усилилось внимание и к молодому автору. Недавнее обследование показало, что в 1932 году литконсультация дала 9 тысяч письменных ответов и 2.400 устных. В этом году ежемесячно рассылается 500 писем. Максимальная задержка — две недели. Отличительная черта консультационной работы — выезды для «розысков» автора непосредственно на предприятия и систематическое руководство молодым писателем. На летнее время филиал литконсультации открылся в парке культуры и отдыха имени Горького.

В чем недостатки? Творческие вечера практикуются все же редко. Произведения разбираются часто поверхностно, ведущие творческие тенденции автора не вскрываются. Налицо некоторая «обойма», в которую не входит кое-кто из выявившихся писателей. Проблемы общего порядка, для постановки которых новые произведения, бесспорно, дали материал, на обсуждение не ставились.

Беседа с секретарем оргкомитета ССП СССР В. Ставским

Оргкомитет, после укрепления его новыми работниками, поставил вопрос об усилении работы с писателями, о развертывании творческой дискуссии, об усиленной подготовке к с'езду.

В первый же день встал вопрос о формах работы с писателем. Всем стало ясно то, о чем неоднократно говорилось и раньше, но на что обращалось совершенно недостаточное внимание. Речь идет о том, что звеньями, ведущими повседневную работу с писателями, являются журналы и издательства. Оргкомитет как центр писательской общественности и практическое звено, на котором лежит задача подготовки к с'езду, должен координировать работу с писателями в журналах и издательствах и всячески им помогать.

Надо подчеркнуть, что оргкомитет созывал совещание редакторов издательств, на котором выяснилось, что это было первое совещание редакторов, где они познакомились друг с другом и поделились опытом своей редакционной работы в издательствах. Выяснились многие слабые стороны в работе редакторов, выяснилось, что редакторы у нас — забытое звено. Необходимо в ближайшее время высказаться самим редакторам и писателям на страницах «Литгазеты» об опыте работы редакторского состава издательств.

На совещании коммунистов-литераторов в оргкомитете выяснилось, что работа журналов и издательств с писателями еще не может считаться удовлетворительной. На этот участок работы надо обратить внимание всей писательской общественности. В самом деле, после многих собраний писатель несет свое произведение в журнал, в издательство, и там решается судьба его «детища». Как это делается? Кто решает и как решает судьбу произведения писателя? Что, наконец, делается с произведением после того, как оно напечатано? — вот вопросы, на которые должны быть даны полные и ясные ответы.

Гений

Эмиль Кроткий

Вот так начинают:
Второго числа
Из Ейска в Москву
Телеграмма пришла:
«Ускоренным выехал гений.
Поэт от сохи
(Тчк).
От станка.
Ответ оплатили
(Опять—тчк).
Приехал ли?
Ждем подтверждений».
Шлет ей Москва
Телеграфный ответ:
«Депеша получена.
Гения нет,—
Еще не видали
В Снаблите.
Какие приметы?
Какие стихи?
Соха от станка
Иль станок от сохи?
Ответ не оплачен.
Пишите!»
Москва ожидает ответа.
Меж тем,
Являясь одной
Из пикантнейших тем
И поводом для словопрений,
Сидит в литстоловой
Вихрастый поэт,
И все понимают
(Неграмотных нет!),
Что это-то именно
Гений!
Сидит хорошо,
Гениально сидит
(И, кажется, дважды
Обедал в кредит,
Не вызвав
Больших опасений).
Бокал подставляя,
Горланит: «Валяй!»
И как-то особенно
Ест «де-воляй».
Ну, словом,—
Банальнейший гений.
— Талантище!
— Сила!
— Талантлив, как чорт!
— В Горкоме бузит!
— Претендует на Горт!
— Не сдал еще
Стихотворений
(Впадают девицы и критики
В транс),
А взял, под свою гениальность
Аванс,—
Как всякий
Порядочный гений!
Известные критики
Игрек и Зет
О нем сочиняют
Статьи для газет,
И сам Леонидов
Готовит портрет
К собранью его сочинений
(Их ГИХЛ
Собирается выпустить в свет).
Короче:
Сомнений, действительно, нет—
И, право,
Не надо сомнений:
Он — гений!
Он — гений!
Он — гений!
...Меж тем, через месяц,
Второго ж числа,
Из Ейска в Москву
Телеграмма пришла
С нормальным числом извинений:
«Шантаж(т-ч-к).
Ни станка,
Ни сохи.
Ловкач. Подражатель.
Плохие стихи.
И, кажется,
Даже не гений».

Оргвыводы?
Выводы ясны вполне.
Я гения жажду.
Но если при мне
О ком-нибудь скажут:
— «Он — гений»,—
Я в будущем — только—
Поверю году.
Простите, товарищ,—
Я год обожду:
Не будет ли
О-про-вер-жений?!

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Литературные факты

ОДНОТОМНИК ЧЕРНЫШЕВСКОГО

◆ Сектор литературоведения ГИХЛ осуществляет издание однотомника литературно-критических и эстетических работ Чернышевского с предисловием и под общей редакцией **А. В. Луначарского.** В однотомник войдут «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Эстетическое отношение искусства к действительности», статьи о Щедрине, Пушкине, Гоголе и др.

◆ Литературный музей оргкомитета ССП СССР открыл на-днях **выставку художественной литературы о Ленине.** Д. Бедный, В. Маяковский, Н. Тихонов, А. Жаров, А. Безыменский, В. Казин и др. составляют поэтический раздел выставки. Проза о Ленине представлена произведениями М. Горького, А. Толстого, М. Пришвина, М. Залка и произведениями других писателей. «Ленин в детской литературе» и «Ленин в литературе народов СССР» составляют два других раздела. В особом разделе собрана вся основная литература на смерть Ильича.

◆ 13 июня в ИКП литературы состоялся первый тур дискуссии о «форме и содержании художественной литературы». По докладу т. **Сикерской** выступили **Жига, Чалая, Аристова, Анисимов.** Продолжение диспута — 19 июня. Основной недостаток первого вечера дискуссии — преимущественно отвлеченная постановка вопросов.

◆ В творческой конференции секций народов СССР, созванной Ленинградским оргкомитетом ССП, участвовали латышская, эстонская, финская, польская, украинская и белорусская секции. Совещание отметило огромный творческий рост литературы всех национальностей. В ближайшее время начнется широкая дискуссия по творческим вопросам.

◆ Литературный музей оргкомитета ССП СССР готовит к всесоюзному с'езду писателей большую выставку советской художественной литературы.

◆ В библиотеке завода им. Лепсе (Москва) первое место по спросу занимают: «Петр I», «Поднятая целина», «Цусима»; второе место — «Золотой теленок», «Энергия» и «Рожденные дважды» — книга рабочего-литударника о самом заводе (из письма т. **Калашникова**).

◆ ГИХЛ заключил ряд новых договоров с писателями на представление ими издательству в четвертом квартале этого года своих произведений. Г. Шторм должен дать издательству новую историческую вещь о братьях Демидовых. Б. Лапин, З. Хацревин и Е. Габрилович представят сборники новых рассказов. Ш. Сослани и Л. Славин дают книги новых повестей. Подписаны также договоры с поэтами **Сальниковым на поэму «Каучук», с** Гатовым — «Поэты парижских баррикад» и с Лавровым на книгу стихов «Вторым дождем».

◆ **«Лес»** — новый роман **А. Демидова,** над которым автор работал свыше трех лет, — поступил в производство в МТП. Тема романа — проблема лесного хозяйства в социалистическом строительстве. Герои романа — лесничий Григорий Иванович, бывший статский советник, под влиянием творчески-созидательной силы революции переходящий на сторону советской власти, и новый человек — большевик Степанов — помощник лесничего.

◆ В клубе рабочего-автора (Дом Герцена) т. **Ф. Гладков** провел большую беседу в творческой бригаде прозаиков. На разборе конкретного рассказа писатель поделился с бригадой своим творческим опытом.

◆ Творческое об'единение рабочих-ударников-драматургов («Труд»), выразившее ряд молодых драматургов (Чуркин, Колков, Строганов, Железнов и др.), готовит к с'езду писателей тезисы о помощи молодым кадрам советской драматургии.

◆ После затишья в Одессе наступило оживление. В месткоме писателей, об'единяющем 38 писателей, начались творческие вечера. Часть писателей прикреплена к литкружкам. Более широкому размаху работы мешают остатки «кружковщины» (из письма т. **Боярского**).

◆ В Крымской АССР насчитывается около 70 писателей-активистов. Работа, однако, ведется слабо. Заглох семинар. Выпуск альманахов и сборников почти прекратился. Газета «Красный Крым» не выполняет обещание — давать литстраницы ежедекадно (из письма в редакцию **т. К. Онипко**).

Книжные новинки

◆ **В серии иллюстрированных** изданий ГИХЛ выходят: роман А. Серафимовича **«Железный поток»,** с иллюстрациями художника И. А. Шпинеля, роман К. Федина **«Города и годы»,** с иллюстрациями художника Канашевича, поэма А. Безыменского **«Трагедийная ночь»**—художник А. Дейнека, поэма и И. Сельвинского **«Улялаевщина»** — художник Тырса. Художественное оформление всей серии — переплеты суперобложки, форзацы и т. п.—принадлежат И. Ф. Рербергу.

◆ **«Москва»** — книга стихов **А. Жарова** о социалистическом строительстве в Москве, с иллюстрациями художника Милашевского,— вышла из печати в МТП.

◆ **«Чортов камень»** — книга **Н. Незлобина** на тему об Октябрьской революции в Москве и подмосковном угольном бассейне — издана МТП.

◆ **«Как создавался Робинзон»** — сборник рассказов и фельетонов **И. Ильфа и Е. Петрова,** с рисунками художника Радлова — выходит в «Молодой гвардии».

◆ **«Рот фронт»** — сборник новых стихов **А. Безыменского,** оформленный художником Сойфером, — выпускает «Молодая гвардия».

◆ **«Город Анатоль»** — роман **Б. Келлермана** (о маленьком захолустном городке, превращенном в нефтяной центр) — печатается в ГИХЛ.

Лучшим драматургам сезона

Специальная комиссия драматургов в составе тт. Погодина, Тренева, Славина, Леонидова, Успенского, Завалишина, Танина, Залкинда, Галицкого, Гайдовского и Базилевского создана при Центральном бюро писателей. Комиссия срочно разрабатывает вопросы соцстрахования драматургов и организации фонда для помощи в их творческой работе. Будет установлена связь с культмассовым отделом ВЦСПС и крупнейшими ЦК союзов для создания клубного репертуара.

Лучшие драматурги предстоящего театрального сезона будут премированы и награждены званием ударника и грамотами центральных комитетов союзов. В конце театрального сезона состоится общественное чествование этих драматургов.

Открывается летний клуб писателей

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького создает летний клуб писателей. В создании клуба принимают участие ЦБ, Мосгорком писателей и оргкомитет. Центральное бюро и Мосгорком ассигнуют 10 тыс. рублей.

ИЗВЕЩЕНИЯ

17 июня, в 17 ч. оргкомитет совместно с издательством «Молодая гвардия» созывает совещание писателей, посвященное чистке партии, на котором т. **Сольц** сделает доклад.

19 июня, в 18 час. 30 м., заседание творческого об'единения «Смена» («Комсомольская правда», комн. 14). Вечер очерка-портрета. Читают **М. Гольдберг и С. Диковский.**

20 июня в кабинете рабочего-автора Профиздата состоится беседа драматурга **Н. Погодина** на тему: «Мой творческий опыт работы в области драматургии—рабочему-автору».

22 июня там же состоится беседа **А. Архангельского** на тему «Эпиграмма—боевой жанр советской литературы».

Горком писателей предлагает всем подписчикам на заем «Четвертый завершающий год пятилетки» получать облигации ежедневно от 15 до 17 ч. в ком. 5.

Ответственный редактор С. ДИНАМОВ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально газетное об'единение
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б. 25. Дом Герцена 3 этаж Тел 1-0-63

КНИГОТОРГОВОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (Москва)

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Классики.

ГРИБОЕДОВ, А. Горе от ума. Ред. введение в комментарий Н. К. Пиксанова, изд. 5-ое, стр. 176, ц. в перепл. 3 руб.
ТОЛСТОЙ Л. Н. Воскресение. Роман. Ред. Н. К. Гудзия, стр. 544, ц. в перепл. 12 р.
ФЛОБЕР. Г. Собрание сочинений том VII. Письма 1831—1854. Пер. В. А. Грифцова, Т. Ириновой и М. И. Ромма. Статьи и прим. М. Д. Эйхенгольца и В. И. Данилова. Под общ. ред. А. В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольца. Стр. 443. Ц. в пер. 6 р. 25 к.
ШЕСТИДЕСЯТНИКИ. Избр. произведения. Под общ. ред. А. К. Воронского. Стр. 445, ц. 6 р.

Массовая биб-ка.

ГОРЬКИЙ М. Детство. Илл. худ. П. Соколова-Скаля. Ц. в пер. 1 р. 50 к.
ГОРЬКИЙ М. В. И. Ленин. Стр. 48, ц. в пер. 50 к.
ГОРЬКИЙ М. Хозяин. Двадцать шесть и одна. Мальва. Илл. худ. Б. А. Дехтерева. Стр. 175, ц. в пер. 1 р. 10 к.

Подписные собрания сочинений.

ГОРЬКИЙ М. Собр. соч. Ред. и комментарии И. А. Груздева. Предисл. А. В. Луначарского. Изд. 2-ое доп. Т.т. 1—2, 3—4, 5—6, 7—8, 9—10, 11, 12—13, 14—15. По подписке. Печат. т. т. 18—20, 21—22, 23.
ТОЛСТОЙ Л. Н. Полн. собр. соч. Под общ. ред. В. Г. Черткова. Т. 32. Стр. XI, 544, по подписке.
ЧЕХОВ А. П. Полн. собр. соч. Под ред. А. В. Луначарского и С. Д. Балухатого. Т. 12. Стр. 351. По подписке.

Современная русская литература.

ВЕРЕСАЕВ В. Сестры. Роман. Стр. 267, ц. в пер. 5 р. 75 к.
ГЛАДКОВ Ф. Цемент. Роман. Илл. худ. Б. А. Дехтерева. Стр. 500, ц. в пер. 9 р. 50 к.
ИНБЕР В. Избр. произведения. Стр. 544, ц. в пер. 8 руб.
ЛЕОНОВ Л. Избр. произведения. Илл. худ. В. М. Конашевича. Стр. 371, ц. в пер. 8 р. 25 к.
ПАСТЕРНАК Б. Воздушные пути. Стр. 141, ц. в пер. 3 р.
ПИЛЬНЯК Б. О-Кей Американский роман. Стр. 277, ц. в пер. 4 р. 75 к.
РИХТЕР З. Поход Осовака. Стр. 262, ц. в пер. 5 р. 25 к.
ФАДЕЕВ А. Последний из удэге. Роман, кн. 2, стр. 187, ц. в пер. 3 р. 25 к.
ФАДЕЕВ А. Разгром. Роман. Илл. худ. П. П. Соколова-Скаля. Стр. 257, ц. в пер. 7 р.
ФИНН К. Окраина. Стр. 215, ц. в пер. 3 р. 50 к.
ШОЛОХОВ М. Поднятая целина. Роман. Стр. 408, ц. в пер. 6 р. 50 к.
ШОЛОХОВ М. Тихий Дон. Роман Кн. 3, стр. 388, ц. в пер. 6 р. 50 к.
ШРАЙБЕР Э. Черные семена. Роман. С предисл. М. Кац. Илл. худ. Л. П. Зусмана. Стр. 382, ц. в пер. 7 р. 75 к.
ШТОРМ Г. Труды и дни Мих. Ломоносова. Илл. худ. В. А. Фаворского. Стр. 301, ц. в пер. 6 р. 25 к.
ЭГАРТ М. Опаленная земля. Кн. 1 Стр. 368, ц. в пер. 5 р. 50 к.
ЭЙДЕМАН Р. Восстание камней и др. рассказы. Изд. 3-е. Стр. 288, ц. в пер. 5 р. 25 к.

Поэзия.

АНТОКОЛЬСКИЙ П. Коммуна 1871 г. Стр. 40, ц. 1 р. 25 к.
БЕЗЫМЕНСКИЙ А. Рубеж столетий. Стр. 49, ц. 90 к.
ГУСЕВ В Гений. Стр. 77. Ц. в пер. 2 р. 25 к.
КИРСАНОВ С. Товарищ Марко. Стр. 141, ц. 4 р. 50 к.
МАДАРАС Э. Чепель. Стихи в пер. с венгерского А. Безыменского, Р. Бершадского, А. Жарова, В. Нейштадта и А. Ромма. Стр. 77, ц. 1 р. 50 к.
МАЯКОВСКИЙ В. Собр. сочинений. т. X. Стр. 387, ц. в пер. 7 р.
СИДОРОВ В. Оттепель. Стр. 52, ц. 1 р.
СУРКОВ А. Последняя война. Стр. 110, ц. в пер. 2 р. 50 к.
СЮ Э. Стихи. Перев. с китайск. А. Ромма Стр. 71, ц. 1 р. 25 к.
УТКИН И Стихи о войне. Стр. 95, ц. в пер. 3 р.
ЧЕРКАССКИЙ Ю. Стропила. Стр. 56, ц. 1 р.

Современная иностранная литература.

ГАМСУН, К. Август. Авториз. пер. с норвежск. С. А. Полиевктовой. Под. ред. С. А. Полякова. Илл. худ. И. Рербергa. Стр. 353, ц. в пер. 7 р. 50 к.
ГЕРГЕЛЬ А. Людской рынок. Роман. Пер. С. Бернер и Н. Яковлевой. Стр. 182, ц. 2 р. 75 к.
ГЛЕЗЕР Э. Мир. Пер. с нем. С. Бернера. Стр. 256, ц. в пер. 4 р. 20 к.
ДРАЙЗЕР Т. Галлерея женщин. Авториз. пер. с англ. В. Станевич. и В. Барбашевой. Вступит. статья и ред. С. С. Динамова. Стр. 308 ц. в пер. 5 р.
МАРХВИЦА Г. Шахтеры. Роман. Авториз. пер. с нем. З. Вершининой С предисл. К. Грюнберга. Стр. 152. ц. 1 р. 75 к.
ПЭН-ПАЙ. П. Красный Хайфын. Пер. с китайск. А. Ивин. Стр. 79, ц. 1 р. 10 к.
СБОРНИК японской революционной литературы. Стр. 180, ц. 2 р. 50 к.
ШОУ Б Избр. произведения. С предисл С. Динамова. Ред. переводов и комментарии М. Левидова. Стр. 303, ц. 7 р. 50 к.

Творчество народов СССР.

НАДЖМИ К. Первая весна. Рассказы. Пер. с татарск. Г. Шариповой. Стр 116, ц. 1 р. 50 к.
СОВРЕМЕННАЯ башкирская литература. Сборник. Пер. стихов. Н. Берендгофа, В. Бугаевского, П. Васильева и др. Пер. прозы Н. Газизова. Стр. 177, ц. 2 р.
СОВРЕМЕННАЯ татарская литература. Сборник. Ред. М. Джалиля. Стр. 144, ц. 2 р.
ТАГИРОВ А. Фабрика зерна. Повесть. Пер. с башкирск. Н. Газизова и С. Мухтарова. Стр. 96, ц. 1 р. 50 к.
ТАЛЫБЛЫ БЕЮК-АГА. Опора. Повесть. Пер. с тюркск. автор. Стр. 131, ц 2 р.
ТАРГЮЛЬ Л. Повесть о коммуне. Пер. с армянск. А. Мартиросьяна. Стр. 128, ц. 2 р.
ЦЕРЕТЕЛИ Г. Первый шаг. Роман. Пер. с грузинск. Стр. 219, ц. 2 р. 50 к.

Литературоведение.

ГОФФЕНШЕФЕР В. Поль Лафарг — практик марксистской критики. Стр. 95, ц. 1 р. 50 к.
ЛИФШИЦ М. К вопросу о взглядах Маркса на искусство. Стр. 131 ц 2 р. 75 к.
ШИЛЛЕР Ф. Очерки по истории чартистской поэзии. Стр. 173, ц. 3 р. 50 к.
ШИЛЛЕР Ф. Энгельс как литературный критик. Стр. 205, ц. 2 р. 75 к.

Книги продаются во всех книжных магазинах КОГИЗ'а.

С ИЮЛЯ ВЫХОДИТ НОВЫЙ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„АРХИТЕКТУРА СССР"

Орган Союза советских архитекторов

Журнал будет регулярно освещать архитектурную жизнь Советского союза, разрабатывать актуальные проблемы борьбы за стиль социалистической архитектуры, определять пути критического усвоения культурного наследия.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО НОМЕРА:

ПЕРЕДОВАЯ. ДВОРЕЦ СОВЕТОВ. — Перспективы и планы всех проектов последнего закрытого конкурса. — Редакционная статья об итогах работы над проектами Дворца Советов. — Статья Б. Иофана о своем проекте. **РЕКОНСТРУКЦИЯ УЛ. ГОРЬКОГО.** — Статья акад. Щусева. **ПРАКТИКА.** Дом на ул. Дзержинского — академик Фомин — Клуб завода «Серп и Молот» — арх. Милинис. — Аэропорт. **В МАСТЕРСКОЙ АРХИТЕКТОРА.** — И. Голосов. Мой творческий путь. — Р. Хигер. Архитектор И. Голосов. — В. Фаворский.—Моя работа над фресками. А. Бассехес. Заявка на стены (о фресках В. Фаворского и Л. Бруни в Музее Охраны Материнства и Младенчества). **АРХ. ЛЕОНИДОВ.** Сад Эрмитаж (проект). — **ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ. А. АРКИН—РИСУНОК АРХИТЕКТОРА.** (Рисунки Брамante, Микель-Анджело Леонардо да Винчи, Тома де-Томона, Ф.—Л. Райта, Э. Мендельсона и Корбюзье). **ТРИБУНА АРХИТЕКТОРА.** — Анкета: от проекта к его реализации (статьи архитекторов Гинзбурга, Бархина, Загера, Кондрашева, П Голосова, Вольфензона и начальника Моспроекта И. Черкасского). **ЗАПАД.** — Ганнес Майер: Дневник архитектора. — А Урбан: Фашизм и архитектура. **АРХИТЕКТУРНЫЙ ДНЕВНИК.** обзор иностранных архитектурных журналов, хроника, библиография.

В номере более 60 иллюстраций и фототипий на отдельных листах.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ С ИЮЛЯ МЕСЯЦА

Подписная цена: 12 мес — 72 р., 6 мес. 36 р., 3 мес. — 18 р.
Цена номера в розничной продаже 6 р.

Подписка принимается всеми почтовыми предприятиями и отделениями Союзпечати.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ.

Виктор Гольцев

О НОВАТОРСТВЕ И ЭПИГОНСТВЕ

Начало статьи см.—страницу 2

Между тем некоторые авторы традиционных по форме романов сумели усвоить представление об искусстве не как об игре, а как о **средстве борьбы.** Вот почему они оказываются все-таки гораздо ближе к нашей эпохе, к пролетариату, чем писатели, занимающиеся формалистскими упражнениями псевдоноваторского типа. Что же касается недобитого формализма, прикрывающегося звонкой «новаторской» фразеологией и снова поднимающего голову, **то с этими литературными явлениями надо бороться достаточно решительно.** Такое «новаторство» идейно пустопорожне, об'ективно реакционно и представляет собою известную опасность для советской литературы. «Литгазета» правильно сигнализировала об этой опасности. Не лишнее вспомнить сейчас меткие слова В. В. Воровского: «Не всякое «новое» есть шаг вперед. Бывает и реакционное новое».

Однако не всегда бывает легко определить: где кончается новаторство эпигонское, означающее лишь конец старых литературных форм, соответствующее распаду идеологии сходящего с исторической сцены класса, где начинается подлинное новаторство, соответствующее мировоззрению восходящего класса? Прекрасен старый гетевский афоризм: «Лист, гонимый ветром, часто подобен птице». Случается, что новаторство первого типа, достигнув высшей точки своего развития, меняет качество, оказывается на потребу новаторству второго типа. В литературе можно наблюдать, как в одной школе, даже в одном писателе сочетаются оба типа новаторства.

Возьмем того самого Джона Дос-Пассоса, чье творчество некоторые наши писатели склонны чересчур поспешно брать образцом для искания новых путей советской литературы. С одной стороны, со всем своим новаторством Дос-Пассос является порождением кризиса, разложения и загнивания капиталистического общества. Он показателен для ущербности и расщепленности классового сознания мелкого буржуа. С другой стороны, в его творчестве заметны элементы подлинно нового искусства, обусловленные революционизирующим воздействием нашей советской действительности на американского писателя.

Если же говорить об основном и настоящем новаторстве советской литературы, то оно представляет собою творческое ознаменование тех огромных сдвигов, которые произошли в сознании писателей под влиянием Октября и всего последующего строительства социализма. Лишь мировоззренчески обусловленное, идейно-направленное, чуждое формализма новаторство может привести в дальнейшем к осуществлению широкого лозунга «социалистического реализма». Путем **такого новаторства,** а не самодовлеющих формалистских экспериментов можно будет создать ту мощную и прекрасную реалистическую литературу, о которой мечтал когда-то Фридрих Энгельс. Новаторство должно быть четко противопоставлено, с одной стороны, вялому литературному эпигонству, а с другой — формалистским увлечениям, приводящим к ущербу идейной значимости художественных произведений.

Подлинное новаторство в советской литературе есть не что иное, как попытка обнаружить новые ощущения и чувствования человека, принимающего участие в борьбе за построение социализма. Оно означает органическую невозможность для писателя пользоваться **по-старому** старыми литературными приемами, прежними формами художественного мышления. То, что нередко принимается за писательскую причуду, свидетельствует о том, что у писателя вместе с его политическими взглядами соответственно изменилась система видения мира, его художественное мышление. Если, скажем, Константин Федин в новаторских романах «Города и годы» и «Братья» применял особые приемы развертывания сюжета, переставляя события и нарушая их хронологическую последовательность (сначала давалась «середина» событий, потом — «начало», затем—«конец»), то это значит, что писатель не хотел и не мог иначе овладеть материалом.

Без ощущения связи с революционным миром, без способности смотреть на действительность по-новому, без социалистического качества мы не будем иметь в литературе подлинного новаторства. Псевдоноваторское штукарство, как бы талантливо оно ни было, обречено оставаться суб'ективной **манерой** писателя и не сможет вырасти в об'ективную форму **стиля** советской социалистической литературы.

Мы приветствуем развернутую борьбу за **новое качество** советской литературы против различных форм литературного эпигонства, против формализма, пытающегося снова поднять голову. Надо думать, что многие наши новаторы, идущие сейчас по пути усложненного видоизменения или даже разрушения старых форм, придут к большой художественной правдивости и простоте. Однако эта правдивость и простота социалистической литературы будут иметь весьма мало общего с вялым правдоподобием и упрощенностью литературного эпигонства. Новая убеждающая реалистическая простота явится результатом преодоленной новаторской сложности. В данное время то подлинное новаторство, о котором я говорю, несмотря на преувеличенную подчас сложность представляет собою нормальный антитезис эпигонства.

Недооценка значения новаторства нашей критикой и чересчур поспешное отбрасывание в область формализма существенных проблем литературной формы об'ективно приводило к **усилению** формализма. Нельзя отмахиваться от новаторства. Новаторство необходимо «освоить», бережно направить в нужную сторону. Надо **по-марксистски руководить этим значительным** движением, решительно не позволяя формалистам различных оттенков «возглавлять» поиски нового стиля советской литературы.

От редакции. Статья т. В. Гольцева печатается в порядке обсуждения.

Уполн. Главлита В—58940.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.